

Делибаш Елизавета Александровна
Корреспондент – Флиге Ирина
12-05-2004

Кассета 1

[Начинает рассказ с показа семейного альбома]

- У нас были прекрасные альбомы, мало того, что мои, но еще и мамины. Мама, когда работала в студии Хмелева [в Москве], и там были очень интересные снимки. Почему я показываю, потому что для того времени, для 28-го года, его фотографии, моего детства, они только сохранились. Мамино все сожжено. У меня только одна единственная карточка, которая здесь есть.

Это брат отца. Который?

- Брат отца, Виктор Кордовский. Был первым директором и организатором Совинформ документального кино.

А почему он Кордовский?

- Они оба [братья отца: Виктор и Григорий] взяли это как псевдоним, еще когда... до революции, папа и они вступили в партию. Папа – в 15-м году. Они – в каком году, не знаю. И он остался на своей фамилии, а они остались Кордовскими. По какой причине, я не знаю.

Папа остался на своей?

- Папа остался на своей – Иосилевич. А Виктор и Григорий, который был ректором Первого медицинского, они остались... Вот это все фотографировал он [Виктор]. Вот эта фотография интересна тем, что здесь впервые я осознала мамин почерк... ну это ее обращение ко мне. Это бабушка специально мне давала, чтобы я это прочла, чтобы я знала свою маму.

А эта карточка была... мама ее подписала для кого?

- Она подписала и отправила своим родителям, чтобы они потом передали мне, потому что маму в это время, это 28-й, в 30-м ее в первый раз отправили в ссылку, и я осталась у бабушки.

На этой фотографии вам здесь полгода?

- Пять месяцев. Вот она здесь пишет...

А вы прочитайте полностью.

- «Лизке на этой карточке пять месяцев. Теперь ей уже пошел восьмой. Это уже не кусок мяса, как я ее увезла из Москвы, а бойкая краснощекая крикунья». Это, значит, из Москвы в Ленинград матери отца. Я до пяти лет жила с той бабушкой, потом она умерла. «С одним зубиком, которая ходит в штанишках и лепечет: Аба-ба, ма-ма-ма. Как мать я счастлива. И если ты будешь иметь детеныша, то такого же бузуна. Мама Лиза тебя целует, хотя и не знает.» Вот это как бы обращение ко мне они сохранили, потому что...

И мама тоже в 28-м году...

- Нет, отец в 28-м...

Нет, вот эта карточка была написана в 28-м году?

- Да, да.

И в 28-м году она уже...

- Чувствовала, потому что папу уже сослали в Минусинск. Она уже чувствовала... И вот я нахожусь у своей бабушки. Вот это я. Живу я на Лиственной улице. Я отчасти помню свою жизнь там, с бабушкой, до пяти лет. Кое-что я помню.

Это моя тетя со стороны матери, которая жила тоже в доме отца, в смысле у матери отца, хотя она училась, она вообще штурман-радиист потом была на пароходах. А еще одна сестра тоже жила... Но помогали. В общем, родители моего отца помогали сестрам матери.

Это я там, в саду, это на Удельной. Здесь на Удельной, Лиственная улица, там наш дом. Вот этот дом, вот я с няней. Вот это моя комната. У меня была личная комната, игрушки. И после войны я даже вот этого медведя нашла там. И вот эти кресла и стульчик один. Мои дети потом пользовались. Вот это я со своей няней и со своей тетей. Вот это я там, там такая обстановка была. Это дом моей бабушки со стороны отца и отчима моего отца.

Как бабушку звали?

- Елизавета Борисовна. Меня и называли, видимо, в честь нее. Вот. А вот это я постарше. Это в ссылке у мамы. Меня туда бабушка вот эта не побоялась... это Сольвычегодск, это вот это, вот это и вот это... и летом отвезла к маме.

Бабушка...

- Бабушка отца. Мать отца – Елизавета Борисовна. Она отвезла туда, и я у мамы. Почему-то меня обрили там, я не знаю. Я помню две поездки. Вот это у меня в памяти есть. Вот это летняя... я не помню, хотя тут кое-где понаписано даже мамой. Почему я две карточки сохраняю одинаковые? На этой: «Моей любимой бабе от ее Лизули, которая снялась со своей няней Мотей». Это мама пишет бабушке, посылает, потому что меня там на некоторое время оставили с няней.

И вот у меня начинаются первые впечатления о маме, что мы там зимой, мы с мамой катаемся на собаках, и собаки вокруг меня. Это Сольвычегодск или Сыктывкар. Маму перегоняли с места на место. Но там я была, конечно, относительно очень недолго, и снова вернулась сюда, к бабушке.

Но вы не помните, как вас туда везли, дорогу...?

- Как везли, не помню. Знаю только, что няня мне сказала, что они с бабушкой меня к маме отвозили. Я помню хорошо, как я была здесь. И вот я стою в саду, выхожу к калитке, и идет моя мама. Маму я хорошо помню. В пять лет я просто помню. Потому что в нее был такой волчий воротник, из волка, пальто. Мама очень хорошо одевалась, мама очень красиво шила сама, и она была очень модная женщина. Нужно отдать ей должное. И это я помню. Зрительно помню.

Это вот мое детство, совсем-совсем раннее. Его, как и Сольвычегодск, куда меня привозили, я, конечно, воспринимала просто: вот мама куда-то уехала, к маме надо. Ничего мне не объясняли, где это, что и как.

Вас к маме возили как бы в гости? На короткое время?

- Да. Я к маме, да. Нет, потом маму выпустили же, когда и отца выпустили. Она писала. У меня есть даже это письмо Сталину, и там было: передать Ягоде, Ягода – Огранову, всюду росписи на письме. Это письмо, по-моему, даже у вас там есть. Вот. И маму, и папу выпустили. В 32-м примерно году отца вернули из ссылки, и он стал заведовать отделением в Москве, мама переехала к нему. А я оставалась у бабушки. Это 34-й год.

Это вот то же самое. Это вот дядя Гриша. Это вот оба Кордовских. Это вот Виктор, это дядя Гриша. Это я и это я. Это я, а это Гришина жена, которая тоже сидела.

А вот бабушкин дом вы помните хорошо?

- Я не только его помню. Дело в том, что после войны я в нем жила, и мои дети там родились. И я занимала те же комнаты, которые занимала моя бабушка. Я очень хорошо помню эту бабушку. Но дело в том, что бабушка у меня умерла в 35-м году. То есть я осталась на руках отчима. Отчиму, в общем, я была не очень нужна, тем

более, что у него был ребенок от другой женщины. С этой женщиной он там не жил, он к ней ездил на Советскую. И этот ребенок стал моим мужем потом. Вот такое... сочетание обстоятельств. Потому что я в этот дом снова попала, а они к этому времени поженились. Ребенок был большой. Мой муж имеет прочерк в метрике. Так что они поженились, но он его не стал усыновлять. Так он на другой фамилии был [Гольдфарб]. Вот это вот отчим моего отца. Это мой двоюродный брат. Это сын Юдина Саша. Это Анна Александровна Юдина, кстати, тоже очень талантливый человек, из Юдиных. Она знала 16 языков. В 53 года она выучила японский, хотя она была инженер-электрик на «Электроаппарате». Вот такие люди меня окружали. Это брат.

А вот что вы помните про это детское житье у бабушки? Что это был за дом?

- Я помню, что ко мне очень хорошо относились. Я помню, что меня баловали, я помню, что я чувствовала это вот тепло со всех сторон. Вот мамыны сестры ко мне, бабушка очень хорошо относилась.

Это дом был бабушки матери отца.

- Да. И ее мужа.

А как мужа звали?

- Этот вот Илья Семенович – он ко мне очень хорошо относился. Почему? Даже вот когда я приехала... это уже мне 11 лет, это я уже пережила тоже своеобразную ссылку на Кавказ. Я потом расскажу, куда меня спрятали. Я когда в 11 лет приехала и жила уже у тети, я к ним приезжала. Это я приехала в гости. Он мне всегда звонил, звал, и продолжал ко мне питать очень нежные чувства. Таким образом, я постепенно встретила с другого брака сыном и замуж-то вышла, потому что я у них в доме была очень часто. Они даже так – меня на каникулы брали, потому что они жили на Удельной, там была как дача, а мы жили на Карла Маркса.

А он кем работал? Вот дом такой замечательный.

- Нет, дом ему достался... Там жили много. Там жили Юдины, там у няни была комната своя личная. Там как бы коммунальная была квартира. Но часть дома была их. В общем, каждый имел свой кусок частный. Так разрешено было после революции, и они там стали владельцами. Была одна домовая книга. А он был директором картонажной фабрики. Когда началась война, он выехал в Оренбург, там организовал картонажное производство, для катюш штамповали такие заглушки картонные, и ликероводочный завод. Назывался он ликероводочный завод, там действительно делали водку, а основное было – это снабжение катюш. Короче говоря, какие-то патроны и прочее там штамповали. И он это организовал в кратчайшие сроки. У него орден за это есть. Он вообще был потрясающий организатор. Человек такого склада. Сейчас бы он был какой-нибудь бизнесмен, безусловно. А сам он по себе – он художник, ювелир, гравер с Пороховых. Семья очень занятная, семья его кантонистов. Почему он оказался в Петербурге? Евреям-то нельзя было. А кантонисты, которые прослужили 25 лет в армии, его отцу было разрешено приехать как николаевскому солдату. И здесь он на Пороховых имел дом, имел семью – 8 человек. Вот он один из этих детей. И он был гравером. У него очень красивые вещи нарисованы. Вот он был художником в журнале «Нива». Портреты Шаляпина и прочие – это его руки работы.

А как его фамилия?

- Либерман. Про него когда-то была какая-то гадкая книжка написана, что у него изымали золото и что-то еще. Какой-то Фомин написал, чекист. И я его потом спросила: это про вас? Он сказал, что да, но это совершенно не так, ничего у меня не изымали, у меня почти ничего не было. Когда надо было сдавать [золото], я сколько-то там сдал, а вообще придрались ко мне, потому что другой брат был ювелир. И

считали, что я что-то прячу. Ну, ничего этого не было, его не арестовали, потому что, действительно, ничего не нашли. Вот.

А бабушка работала?

- Бабушка была фельдшер-акушерка. В общем-то работала. И в последнее время она очень много работала в Скворцова-Степанова как фельдшер.

Это же психиатрическая клиника?

- Да, это психиатрическая клиника, но она там работала в женском отделении. Она прямо в больнице умерла. Просто это близко было от дома. Дело в том, что у бабушки была ортопедическая на одной ноге обувь. Она была на одну ножку хромая. Но это не помешало ему на ней жениться, когда у нее было трое детей, и получить до революции развод. Такая была любовь. Но она красивая была женщина.

А куда делся ее первый муж?

- Первый муж – мой родной дед. Я его помню. Он приезжал к нам, дедушка Соломон, со своей второй женой Соней. Это я помню. Но это было до войны. После войны все потерялось. И двоюродный брат искал, мой двоюродный брат, Кордовский, и я искала. Видимо, в блокаду погибли. То есть про родного дедушку я ничего не знаю со стороны отца.

Но он жил в Ленинграде.

- Он жил в Ленинграде, и жена у него была Соня. Причем такие были отношения [хорошие], хотя они были разведенные, но вот Соломон и Соня приезжали в гости к нему на Удельную. Там вообще такой дом с садом, с сиренью. И все весной за сиренью все приезжали.

Вот так вот, то, что я помню, я помню этот дом, я помню этот сад, тем более, что это потом подтвердилось, уже когда я была старше, все это воспринялось.

А няня? Расскажите про няню.

- Няня Паня так и осталась там.

Как ее звали?

- Прасковья Леонтьевна Леонова. До самых последних дней... потом хоронила я ее. Она потом вышла замуж, они квартиру имели недалеко. Но она благодаря бабушке, - бабушка настояла, кончила рабфак, стала медсестрой, много лет, и в войну, и в блокаду работала на Арсенале на здравпункте, очень меня любила, до конца дней считала меня своей дочкой. И я к ней все время ездила, хотя у нее был уже муж и пасынок был, была внучка и всё, она все равно на все свои торжества и всё... в общем всегда я с ней имела...

Как она в семью попала?

- Тоже очень интересная судьба. Я потом их всех встречала, их несколько сестер. Это раскулаченная семья. Две сестры, Поля и Паня, попали в Ленинград.

Откуда?

- Это Псковщина. Деревня на Псковщине. И она попала вот в эту семью к Либерманам домработницей, а потом ее определили как бы няней только ко мне. Она была няней, а когда меня мама в 35-м году забрала, она пошла учиться и стала работать, и у нее в этом доме была ее личная комната. Бабушка так постановила, и это была ее комната до конца. Пока этот дом не расселили, она жила в этом доме, Паня. Кстати сказать, за всю свою жизнь... Вот я понимаю, что такое интеллигентный человек. Но вот эта простая крестьянская женщина – она очень многое вообще... ну как сказать? ... влияние оказала. Я более такого, интеллигентного по отношению к людям, наверное, никого не встречала. Это такое умение ладить с людьми, умение относиться с добром и терпеливо, это была моя няня Паня. Я ее часто мамой называла, часто Паней называла, по-разному. Вот. И в дальнейшем я ее наблюдала, когда она уже была немолодая и

совсем старая, и это был исключительный человек, и вокруг себя она какую-то ауру распространяла. Хотя она это простая, в общем-то... Она иногда могла сказать, будучи медсестрой, «полуклиника», но при этом это не мешало ей быть такой, какой-то чуткой, мудрой. И, видимо, у нее вся семья такая, потому что сестра ее тоже была очень толковая. Дети у сестры один – кандидат [наук], один – там это... в общем, такие... способная семья. И ее раскулачили, как говорится (смеется) неслучайно. У нас же ведь били по сильным. Вот.

А что она грамотная, читала вам что-нибудь, рассказывала сказки?

- Она читала. Вообще в доме было очень много книг. У меня была своя детская библиотека. И, конечно, она... Сказать, что бы она мне рассказывала такие сказки, как там о Пушкине говорят, нет. Она была молодая женщина. Так что она не рассказывала, а могла только читать. Она была молодая, она была ровесница моей мамы, и после войны замуж вышла. Так что... вполне. Но она учила меня, наверное, я так думаю, потому что я уже так точно не могу помнить. Она доброму всему меня учила. И потом все-таки бабушка больная, она вместе с ней ездила в ссылку – возить ребенка. Не каждый решится. Все-таки это связь с заключенной. Это все же понятно. А она все-таки на это решалась. Я думаю, что она была не совсем простой человек.

А в ссылку ехали и бабушка, и няня?

- Меня отвозили, да. А забирала няня одна.

Мама же в ссылке работала?

- Мама работала.

А где?

- Я не помню совершенно. Вот это вот у меня совершенно... Оленей помню, собак помню. Я оттуда привезла, няня когда со мной приехала, шубу мамину привезла. Помню маму в зимнем наряде. А в платье я уже помню ее позже. Но в 35-м году папу арестовали окончательно, дали ему десять лет.

А до папиного ареста, вы же вместе еще год жили: мама, папа и вы.

- Да, я прожила. Да, я прожила вместе и до маминой ссылки и после. Они очень дружили, почему она в студии Хмелева работала, когда папа был арестован, это устроил Юрга он был другом Хмелева, и мама туда устроилась секретарем. Потом она даже играла на сцене.

Это в Москве?

- В Москве. Мама, когда папу арестовали первый раз и сослали, осталась с грудным ребенком на руках. И покровительство, если можно так сказать, взяли на себя Смилги и дядя Виктор. Он, можно сказать, даже ее содержал, потому что он в это время жил в Москве. А когда меня потом она отвезла в Ленинград, она до этого... собственно говоря, я родилась-то в Минусинске, меня оттуда через восемь месяцев привезла. Тогда ей помогали эти люди. Вот есть даже снимок. ... Вот это рука Смилги. Это Минусинск. Это я не в Минусинске, это меня привезли в Москву. И тут вообще эта карточка большая, тут вся семья стояла, но все фигуры отрезаны. И Таня [Смилга] мне просто меняла, говорит: я сохранила тебя, всех отрезали, тебя сохранили. И она мне эту вот отдала мою карточку.

Это в Москве уже, когда мама вернулась со мной, потому что там жить было невозможно.

А в Минусинск как мама попала сама?

- Отец был в ссылке, она приехала к нему.

Значит, отец первый раз был арестован в 27-м году.

- В 27-м. Я родилась в 28-м, мама была, жила с ним там. Девяти месяцев она меня привезла сюда. Вернее, не в Ленинград, а в Москву. Там она жила, но очень нуждалась. Трудно было. Ей помогал Виктор, помогали Смилги. Они сами говорили,

что когда мама болела гриппом, меня приносили к ним, и там я была. Но это уже рассказы. Это я не помню, конечно. Вот. Потом меня отправили к бабушке. А маму в это время отправили в ссылку, в 30-м году. То есть в 30-м мне два года было, маму отправили в ссылку. Потом, когда мне стало 4-5, меня возили туда. А когда мне исполнилось пять лет, умерла бабушка, мать отца. Здесь фактически не было женщин, была только одна Анна Александровна Юдина, невестка его. И у нее своих было двое детей. И он, хотя он уже был связан с женщиной и был ребенок, но она жила в другом месте... то есть меня, ребенка, там негде было держать. А мама, она... видимо, ей тоже и в Москве нельзя было жить, потому что конфискация имущества была. Папу выселили, все забрали. То есть я сейчас не могу нигде концов найти, когда я попросила об имуществе, обо всем [сделала запрос в ФСБ]. Вот Смилга, она сумела, потому что у нее была опись. А у меня никакой описи не было. Но я же понимаю, что жили не в безвоздушном пространстве, и что была одежда, была мебель, было всё. Но мама собрала вещи, взяла меня и в 35-м году уехала к папе в лагерь.

Он где в это время был?

- Станция Сухобезводная Горьковской области, Ветлаг.
Вот эту я помню. Я помню что? Я помню школу.

А вы помните, как вы ехали?

- Я помню, как мы приехали и почему-то мы выходили из поезда с мамой, вещи сбрасывали на землю, платформы не было. Потом мама прыгала, ее встречали какие-то военные. Охрана лагеря? – я не знаю. И меня тоже вынимали. И потом в темноте почему-то, ночью вели куда-то. И потом вот у меня в памяти, очень хорошо я помню этот барак, где мы жили. Барак дощатый, доски не струганные. В комнате сделана из таких же досок этажерка. Я очень хорошо помню, потому что вся этажерка была заполнена книгами. Мама там стала работать вольнонаемной. Я пошла там в школу. Ну я пошла с шести лет. Помню очень хорошо, что мама, чтобы как-то стены, чтобы на чем мы спали, топчаны... у нее была такая персидская шаль, это такой ковер, это не шаль, это ковер, который турецкий паша подарил моему дедушке.

И в войну, в голод мы продали. И дедушка всю жизнь это [не мог нам простить]... Я, говорит, старшей дочери отдал, только потому, что я ее так... любил. Это же награда, это же как орден, а вы вроде того, что продали... Ну, безвыходное было положение тогда.

И еще такой она завешивала... стены были завешены... туркмены, узбеки ходят, такие шелковые, расписные ткани, вот она такой штукой завешивала и этой стены, где мы спали, чтобы заноз не было. Вот это я помню. Барак. Выходили мы сразу в такой предбанник, который был холодный, с улицы холодно. Но там стоял тоже сбитый... вот я помню, что это сбитый из каких-то досок стол и на нем две керосинки. Это я помню. Помню стол, помню, что приносилась оттуда сковородка, мы кушали. И как-то отец нечаянно вместо подставки, он близорукий очень был, поставил на книгу. Помню, что папа с мамой очень поскандалили на эту тему. Мама сказала: «Как ты можешь на книгу ставить!» Он сказал, что он не видел. И этот разговор я даже помню. Жили мы там. Школа мне не запомнилась. Учителя мне как-то не запомнились.

А вот этот барак, он не на территории лагеря стоял?

- На территории лагеря. Мама там была вольнонаемной, по художественной части. Она как методист художественный... не знаю, что она там делала. Дело в том, что отец в этом лагере, как я теперь узнала, был... заведовал плановым отделом. Он же экономист, преподавал в Институте народного хозяйства экономику, и его использовали там по назначению. И, видимо, ему поэтому были какие-то поблажки. И он жил с матерью в этом... или приходил. Вот этого я не могу сказать. Может быть, его отпускали, и он к ней приходил. Но это было на территории лагеря. Почему я

знаю, что на территории лагеря, потому что кругом был забор. Вот забор вот такой высокий, с такими острыми... забор. И в школу мы ходили, мы за забор не выходили. Вот это я помню. Мое детское впечатление – почему-то нельзя было выходить за забор. И поэтому я теперь считаю, что это была территория лагеря. За забор нельзя было выходить.

А вышки были?

- Вышек вот... Так вот у меня какая-то охрана, каких-то я помню. А вот так сказать, чтобы я хорошо видела..., это тогда я видела или потом, я не могу сказать.

Мама работала. Папа тоже. А с вами кто оставался?

- А я в школу ходила, сидела там.

Сразу, с шести лет?

- Да. Я пошла в школу, потому что ... там написано, где у меня табель, все там написано. Член школьного совета. Мама расписывается там. Она, видимо, была кем-то там в школьном совете.

А детей там не помните?

- Детей в классе было много. Вот это я помню. Класс был большой, народу было много. Но что парты... передо мной сидели, сзади сидели. А вот так, чтобы я с кем-то дружила и кого-то я не помню. Это у меня из памяти совершенно выветрилось. Но что это была большая комната, и много сидело, это я помню. Это не то, что вот я и еще двое, и с нами учительница. Нет. Но дети были разного возраста, и одна учительница. Вот это я помню.

Что вы помните из уроков, игр с кем-нибудь? Какие-то свои занятия там, ну, например, рисовали что-нибудь.

- Я помню почему-то, как я писала. Вот буквы выводила. Это всегда у меня вызывало [отвращение]... У меня и сейчас не очень хороший почерк. Меня это всегда выводило и вызывало какие-то мучения. Вот это я помню. Потому что, в общем-то, там с тетрадями было плохо, как я понимаю теперь. Вот это лагерь.

В 35-м году, значит, это был апрель, лето уже, не лето, а так, потеплело, в барак пришли люди ночью. Вот это я очень хорошо помню. Вдруг с этажерки начали скидывать в кучу книги. Причем так, странно: бросали, посмотрели – бросали, смотрели... куча росла, росла, росла. Я проснулась и лежала на кровати. Мама вот так вот буквально, надо мной как бы повисла, как бы закрывала меня от того, что там происходит, и так сидела все время. А папу, уже когда рассвело совсем, два или три раза куда-то выводили. Люди были в портупеях, это я помню. Очень ... одетые, очень хорошие сапоги хромовые и портупеи. Я еще помню эту одежду. Двое. Выводили. Один раз он пришел, и у него вот тут текла кровь. И я маме говорю: «Мама, а что это у папы кровь?» Она говорит: «Это ничего, это у него туберкулез открылся». Почему она мне так сказала, я не знаю, но я запомнила: «у него открылся туберкулез».

Дальше я не помню. Помню только, что мама рыдала, что-то мне говорила, от меня ее отрывали. Папа ушел, и ему не дали попрощаться ни с женой, ни с дочкой. Это точно совершенно, потому что я видела его спину, как его уводили, видела маму, которая рыдала, что-то мне говорила. И у меня потом какой-то провал. Я не знаю, может быть, я сама захлебнулась в слезах, испугалась. Но у меня совершеннейший провал, что же произошло дальше, куда делись вещи, куда делось что. Только я уже помню себя, что я сижу в поезде, со мной чемодан и какой-то ящик, и сидит женщина и какой-то военный.

А вы эту женщину раньше знали?

- Нет. Нет. Ее никто не знает. Когда она меня привезла, она сказала, я вам не скажу не имя, ничего. «Вот вам ребенок» - как дедушка мне потом сказал, она сказала такую фразу. Причем привезли к отчиму [отца]. Она дала этот адрес, мама.

В Ленинград?

- В Ленинград. Ему сказала, что я привезла ребенка Иосилевича. Мы постановили (я уголовница – она сказала), мы постановили, что ребенок такого человека пропасть не должен. И мне поручили. Я сейчас еду в Вологодскую область, возвращаюсь... (видимо, ее освободили), и мне поручили отвезти. Кто я такая, я вам не скажу, и вы никому не говорите, как ребенок попал к вам, и всё. Может быть, немножко по-другому была сказана фраза, но вот то, что «я не скажу, кто я» и «мы не хотели, чтобы ребенок пропал», это дедушка мне дословно передавал. И меня привезли к нему. Это 36-й год.

А вы дорогу помните?

- Нет. Помню поезд, поезд, помню, как меня водили в туалет, вот поезд, вот эту женщину. Ну, так просто одетая, платком повязанная. И почему-то военный около. Вот это я помню. Но красноармеец в дом не ходил с ней. Но почему-то охрана какая-то была. Я не могу сказать. Может быть, этих, кого освобождали, отправляли с сопровождающим, может быть, случайный попутчик. Я не могу сказать. Нет, не знаю.

А у вас был какой-то страх, ужас?

- Нет. Я не понимала, что... У меня было желание к маме, вот это было. Я не понимала. Мне казалось, что меня к маме везут, а привезли к бабушке. Я его спросила, а где бабушка. Он сказал, что бабушки нет, бабушка умерла. В общем, все как-то так получилось. Когда я приехала, это был 36-й год. Они поняли, что оба родителя арестованы. Дедушка уже боялся, как я теперь понимаю. Я – такое вещественное доказательство, которое никому не нужно. Родной его сын, его сын и бабушки, от их брака, сводный брат моего отца, он в это время работал здесь. Он, вообще-то, потом в Челябинске руководил цехом. Он тоже имел орден. Вообще такой, довольно крупный инженер. Ну, он на Кировском работал, потом танки делал в Челябинске и Свердловске. Они, видимо, меня не хотели иметь, и меня отправили к Григорию Кордовскому.

Но перед тем, как отправлять, это прямо они...

- Ну, это прямо через день меня отправили Григорию Кордовскому.

Куда?

- Здесь же, в Ленинграде, на квартиру. Вот это я помню, что я была у дяди Гриши. Жила я за ширмой. Меня почему-то держали за ширмой. Гулять меня не выпускали. А со мной играл... вот что я показывала тётю Шуру, жену его [Григория Кордовского]... со мной играл ее брат. Он был такой горбатый, ну инвалид. И вот он со мной за этой ширмой играл. Вот это я помню. И я все время хотела куда-нибудь уйти. Мне было темно и противно. Вот это я ощущение помню. И я говорила, когда же я к бабушке... Я никак не могла понять, что она умерла, и где мама. И мне ничего не объясняли, и через некоторое время меня привезли к тете Соне. Это следующая сестра за мамой, мамина сестра, она жила здесь, в Ленинграде, меня к ней привезли. Вот это я уже помню. Я помню квартиру, помню, как меня к ней привезли. Тетя Соня сказала: «Лизочка, ты будешь жить сейчас здесь, недолго. Скоро Рая и Марго, это две сестры следующие, поедут на Кавказ к дедушке, и ты поедешь вместе с ними». И вот то, что меня все время скрывали, это я понимаю.

И тогда понимали?

- Тогда я не понимала. Это я сейчас понимаю. Тогда я не чувствовала, но я не могла понять, почему какое-то ограничение все время было. Я не могла понять, потому что

меня забрали от тети Сони, привезли в Москву, потому что там жил муж Марго. Он Нарн Ян. Это семья такая, эстонцев. Меня привезли к ним домой. Сразу отправили на дачу. Все взрослые были в городе, а на даче жил мальчик. Я до сих пор помню – их сын Лесик, маленький... Ну, как он маленький? Ему, наверное, было лет 12-13. У него была большущая собака овчарка, и он все время хотел, чтобы я с ней подружилась, а я ее безумно боялась. Вот это я уже четко помню. Я все время поплакивала и хотела, чтобы кто-то был родной. Я не хочу жить с Лесиком и с его собакой. Но там была бабушка, была мать этого Яна, и она меня как-то... ну я не могу сказать, что ласкала, но как-то немножко опекала. Но это продолжалось очень недолго. Вот это я хорошо помню – эту дачу, помню страшную эту собаку. Меня не хотели и в Москве держать.

Но это вы сейчас так понимаете?

- Я так понимаю. Потому что зачем мне было быть там, это непонятно, когда все были в это время в Москве. Потом меня забрали и повезли на Кавказ к бабушке с бабушкой.

На Кавказе... Нужно сказать, что бабушка с бабушкой, родители матери, они оказали на меня, если можно так сказать, на становление мое как человека, очень большое влияние. Это необыкновенные люди, о которых стоит рассказать и стоит как-то о них вспомнить. Я потом покажу их фотографию, покажу бабушку в мундире.

Пока вас перевозили с места на места и к разным людям, у вас было чувство какого-то такого детского страха?

- Ну вот я говорю – был страх. Был страх. Был страх – зачем я здесь сижу, за ширмой. Я хочу выйти, я хочу к тете Шуре, к жене дяди Гришиной, я хочу с Витей играть. Он мой двоюродный брат – Виктор Кордовский был. Вова и Витя. Но Вова был старше, он потом на фронте погиб. А Витя остался живой, он сейчас в Америке. Мы с ним одного года, 28-го года, и мне хотелось с ним играть, но меня почему-то не пускали. То есть, наверное, чтобы этот Витя не проболтался во дворе, что тут девочка. Это я так думаю, зачем меня за ширмой держали.

Вот это меня угнетало. Меня, конечно, угнетало. Это, конечно, какое-то потом, в дальнейшем оказало на меня влияние. Я знаю, что я была не только застенчивой, но я была еще пугливой, если так можно выразиться. Я боялась какое-то время людей. Вот я помню, что один раз мне дали лишние пять копеек [сдачу], уже когда я жила в Ленинграде, значит, мне было лет 11-12. Пришла домой, а тетя мне говорит: «Почему у тебя лишние деньги? Сейчас же иди в магазин и отдай! Как это можно было взять лишние пять копеек». Для меня потом пойти и сказать... Мне было так стыдно, так страшно. И я думаю, что вот этот страх внутренний остался с тех пор у меня к людям.

Я приехала к бабушке с бабушкой. Они меня встретили. Это люди необычные. Бабушка – это мачеха моей матери. Потрясающий человек! В общем, надо просто немножко рассказать о бабушке.

Бабушка... Вот я покажу почерк. Вот вы представьте себе человека, который окончил четыре класса. Вот, по-моему, его письмо. Да. Вот он окончил четыре класса городского училища. Значит так. Он был сын крестьянина, простого крестьянина из села Русика. Вот это он пишет, это его автобиография. Он двенадцати лет бежал из дома, потому что он хотел учиться. Он кончил приходскую школу, и священник сказал, что он очень способный. В селе, там была школа такая. Но он был единственный мальчик в семье. Остальные были девочки. Его не отпускали. И тогда мама ему дала там.. 12 рублей или 2 рубля (надо читать эту биографию), но не важно, сколько ему дала, и он ушел в город Ахалцих из этого села.

Это грузинская семья крестьянская?

- Это грузинская семья. Человек, говорящий только на грузинском языке, пришел в Ахалцих, нашел название «городское училище» и сел там на ступеньках. И его

встретил какой-то, как он пишет в автобиографии, мужчина, который сказал: «Что ты тут делаешь?» Он сказал: «Я хочу учиться». Тот сказал: «Как же ты можешь учиться...» и так далее. Но он его взял к себе, вроде как в слуги, и разрешал ходить на занятия, потому что он ходил с его сыном, а сын его бестолочь был. Дедушка занимался, а этот за него отвечал.

Это сколько ему было лет, когда он из дома убежал?

- 12 лет. Потом он, когда кончил это городское училище... там тоже, по-моему, четырехклассное, он стал изучать русский язык. Причем каким образом? Он переписывал Гоголя, Лермонтова, Толстого, страница за страницей, и учил таким образом язык. И стал работать почтальоном.

А в училище он русский язык не учил?

- Нет. Он сам учил. Он понимал, что ему для работы нужно. И вот посмотри, вот это уже старик пишет, которому 86 лет.

«Дорогая Рая, получили твоё письмо. Спасибо за память. Да, детки, мне уже 80 лет, и его у меня никто не отнимет. За поздравление спасибо. А вот никто кроме тебя не догадался поздравить. Конечно, это не важно. Я пока здоров, иногда побаливает живот, но это ерунда. Я был бы вполне счастливый отец, если бы не одно горе, которое ты знаешь. (Он узнал о том, что сын погиб в тюрьме. Ну и Нина пропала. Это моя мама. Мама – без права переписки. Ну, как бы исчезла.) Получил письмо и от Сони одновременно с твоим, да и от Танечки Светы тоже получил. Таня уже большая, самостоятельная, пишет дедушке письма. Видишь, какая она! Ну как ее не поцеловать в носик! В этом году у нас зима большая. Было много снега, мороз. Снег сейчас лежит, морозов уже нет. Сидим дома. Спасибо, газеты доставляют. Яблоки реализовали – появились деньги. Время от времени покупаем то сало, то мясо, так что не на что жаловаться... и так далее. Хотя Лиза живет у Сони (ну, я тут пропускаю), но прошу и тебя: следи за девочкой, будьте к ней ласковы, оказывайте ей любовь и внимание, будьте к ней сердечны. Укрепите в ней сознание, что она не сирота. Если летом захочет приехать к нам, устройте так, чтобы она приехала. На дорогу деньги я вышлю. Я знаю, что у тебя и у Сони нет времени этим заниматься. Насколько возможно, не выпускайте ее из поля зрения». То есть вот видишь: совершенно грамотное. Даже немножко где-то там он пишет о морозах, красивый снег, и так далее.

Это письмо кому?

- Это письмо дочери, Рае, маминой сестре. Я хочу сказать, что и почерк такой. То есть он занимался таким самообразованием, что когда я к нему попала... Он кончил почтальоном, дослужился до начальника почты в городе Кутаиси. Значит, он уже стал чиновником какого-то разряда, он имел погоны, форму и все. Но когда он 19 лет прожил со своей первой женой, Тамарой, моей родной бабушкой, она умерла от туберкулеза. Осталось пять человек детей.

Мама была самая первая, да, самая старшая. Ей было, когда мама умерла, ей было 16 лет. Когда ее мама умерла. А остальные были мал мала меньше, младшему, Сандро, было года три. И вот дедушка женится на ее подруге Нине Иосифовне Чаровчан, что тоже не очень обычно, потому что она армянка, а он грузин. То есть поступки были несколько такие, необычные. Он человек был очень... Во-первых, он сам дошел до того, что он атеист. Изучил Дарвина. Во-вторых, он был не националист, хотя грузин, и хотя у них есть такое, своя гордость. Он, например, бабушке... почему я говорила чисто по-русски и бабушка. Бабушка преподавательница была русского языка.

Бабушка Нина?

- Бабушка Нина. Он с ней говорил дома по-русски, потому что он говорил, что я не могу, когда ты говоришь по-грузински и ты коверкаешь грузинский язык, хотя она прекрасно со всеми грузинами рядом говорила. И его национальное иногда в этом проявлялось. Но он... У него была заветная мечта – купить участок и разводить необыкновенные деревья. И когда он женился вторично и ехал с ней как бы в свадебное путешествие, а он по чину имел револьвер, у него в туалете вагона упал револьвер, прострелил ему ногу, началась гангрена, и ему ампутировали ногу так вот. Он оказался калекой с молодой женой, которой он предложил развод, потому что... и с пятью детьми. Но так как у него были какие-то сбережения, бабушка его не оставила, и они решили, раз уж так суждено, ему все равно подавать в отставку, они купили участок.

Очень своеобразное место. Под городом Ахалцыхи, меньше 12 километров до границы с Турцией, в трех километрах ближайшее турецкое село Ингикер, в 6-7 километрах – Аспинза, это грузинское село, и также еще одно село..., так, повыше в горы, тоже высоко в горах. А он как бы в ложбине. И там было сделано так. Вот идет основная река по этой ложбине, а от нее сделан отвод специальный, плотина. На этой плотине поставлена мельница, и вот между этим местом – это оказалась орошаемая территория. И он покупает, строит сверху, или даже там был построен дом, над этой мельницей. Поэтому все время, когда ты там живешь, на жернова когда падает вода, там все время стоял шум. Но он на этот шум не обращал внимания. Дом был из четырех комнат. Две большие комнаты, две маленькие и огромный, как это на Кавказе принято, почти на полдома балкон-терраса, такой широкий, там дедушкин верстак стоял и всё. Выходили мы на крышу сакли. В этой сакле, примыкала она к мельнице, была у нас кухня, где мы пекли хлеб, и хлев, где стояла наша корова, курятник и всё. Мы по Зкрыше этого вот ходили. Было сделано как настоящая деревенская сакля. Внизу тоже помещение.

А в каком году он лишился ноги? Это в каком году было?

- Ему было 54 года. Умер он, ему было 92, умер он в 56-м году, ему было 92 года. Вот, честно говоря... Он что пишет? Он родился в 67-м. Ему было 56 лет...

То есть он лишился ноги в 23-м году.

- В 23-м. А, может быть, я ошибаюсь, потому что мне казалось, что он лишился ноги еще до революции. Значит, я ошибаюсь в этом. Значит, он лишился до революции, потому что он смог купить участок.

Участок он купил до революции.

- До революции. Значит, он уже был без ноги.

А в каком году родился младший мамин брат?

- Не знаю. Не помню. Надо посмотреть. Просто не помню.

Участок он купил, и хозяйство у них было – это все было до революции.

- Да, он успел. И когда стало Закавказье советским, дедушку лишили прав, он стал лишенец. И дочери тут очень от этого страдали. Но он был... Ну я говорю, что он был совершенно необыкновенный человек. Он организовал колхоз в этом турецком селе. И он был единственный грамотный человек. Он не мог быть председателем колхоза. Потому что там не было счетовода, и он стал счетоводом в этом колхозе, а председатель был неграмотный, ставил крестик. И ему вернули право... Да, за него хлопотали крестьяне, правда, из грузинского села, и ему вернули... через год он перестал быть лишенцем, то есть снова ему право выбора и всё дали. И он стал колхозником.

Но землю он потерял.

- Сад у него отняли. Отдали ему только 6 соток. Но нужно сказать, что сад дедушкин был – это что-то необыкновенное, то есть я нигде больше таких сортов яблок не видела. Он выписывал в свое время еще из-за границы сорта из Франции. Он переписывался с Мичуриным, он переписывался с какими-то французами, венграми, ему какие-то привозили... Вот таких яблок вы даже и не слышали, например, я помню, «канада» - это вот такие крупные зеленые яблоки. «Бельфлер» - это типа теперешнего «гольдена», но гораздо крупнее и очень ароматные, с запахом. «Красный кальвин», «белый кальвин», «сенапы» всякие. То есть это были роскошные яблоки, груши совершенно необыкновенные «дюшес». И даже большая часть вот на наших 6 сотках мы собирали столько, что он с этого жил.

Я помню очень хорошо, как к бабушке приезжали молодые люди, тоже в портупеях. Вот почему-то я запомнила, что такие вот френчи, портупеи, ноги в сапогах. Привозили с собой струганные ящики вот такой длины, метра полтора-два. Не просто ящик, а вот такой, наполненный стружкой, и бабушка ими командовал. Причем как командовал: «Яблоко – это яйцо. Не нажимайте пальцами. Берите аккуратно! Кладите». И вот эти люди послушно собирали. Ну, там мальчишки лазили наверх, спускали – гидейва называется, такую корзину, на конце острие, сверху спускают. Укладывали каждое яблоко к яблоку, и, как потом мне бабушка говорила, что их увозили не в Тбилиси, а в Кремль. Ну, это уже так...

Это было при вас.

- Это уже было при мне. То есть он вот такой сад посадил, что известность его была далеко за этим... Он и колхозу потом наверху новый сад от этого... Саженцы сделал, прививки делал. У него были деревья, на которых были четыре-пять сортов яблок на одном дереве. Прививки всякие делал. В общем, занимался он, селекционер такой был.

А дом у него не отобрали, да? Дом у него оставался.

- Дом этот у него оставался. Просто это обычное жилье. Дом у него не отобрали. Мельницу, конечно, отобрали. Она стала... Он купил с мельницей, со всем. Это стало колхозное, причем другого колхоза. Не того, где он был председателем, а грузинского.

А как же он турецкий колхоз организовал? Он турецкий язык знал?

- Он хорошо говорил. Они очень похожи. Это те самые турки-месхетинцы, которых потом выселяли. Я видела, как их выселяли. Это те самые турки. Причем до 32-го года они свободно ходили через границу [в Турцию], потому что братья, сестры, матери жили с той стороны, они были тут. А в 32-м году границу закрыли. В общем вот так. Вот такой бабушка. Бабушка была учительницей гимназии, преподавала в гимназии. Бабушка Нина дружила с той бабушкой, Тамарой, и детей она, собственно, всех обучала, всех детей знала.

Она не работала?

- Нет, не работала. Ну, конечно, как всякая женщина до революции, выйдя замуж, переставала работать, тем более, что семья – столько детей. Она умерла здесь, в Ленинграде, и бабушка здесь умер. До последнего дня – она пять лет лежала в параличе – за ней ухаживали мои тетки и я. Мы ее не считали, что это мачеха. Это была родная мать. Как она ко всем к нам относилась, и какой это чуткий человек необыкновенный... Вообще тут тоже очень интересно. Во-первых, ее почерк. Я все время обращаю внимание, что вот это женщина, которая жила в селе, была учетчицей в этом колхозе, и вот это письмо, оно просто даже историческое. Она пишет о том, что к ней... Она одно время в Тбилиси преподавала, пока с бабушкой переезжали, бабушка больной лежал, она преподавала. И это письмо просто даже интересно прочесть, что такой-то мне человек сделал замечание, считая, что я не хожу или опаздываю в школу и так далее. Она очень щепетильна была, и вот она тут пишет: «К

делу... Тут кто-то говорит, что я не ревностное отношение и стараюсь починиться, произвожу впечатление уставшего. В конце концов, я окончила буржуйскую школу и имела...» буржуйское учебное заведение. Она, кстати сказать, кончила еще, кроме этого, Фридерикские курсы.

А что это такое?

- Это курсы здесь, типа Бестужевских курсов. Это Нина Чаровчан. Но она уже за мужем. А, может быть, дедушка потерял [ногу] уже позже. Но как он тогда... Что, царское время... Хотя у нас, в Закавказье еще очень долго было. Может быть, я года путаю. Не важно.

Вот эта женщина, она тут... Просто почитать надо. Не хочется время терять.

Ну вы мне потом дадите.

- Это очень интересно. Просто жизнь того времени.

А общих детей у них не было?

- Нет, детей не было.

И я вот попадаю к ним, к таким людям. Дом, корова, птицы. Бабушка с дедушкой, говорим по-русски.

А вы их раньше не знали?

- Раньше не знала. Роскошная библиотека. Ну там, например, собрание сочинений Гейне, Достоевский, Пушкин. Первые книги, которые мне бабушка дала, чтобы я сама читала... скучно же, ребенок, никого нет вокруг, детей нет. Только из деревни ко мне летом прибегали девчонки турецкие. ... Мне надо учиться. В школу меня отправить не могут. Я оказываюсь на таком, необитаемом, можно сказать, месте. Я целый день с бабушкой. Бабушка смотрит за курами, смотрит за коровой и ходит в деревню к дедушке за 3-4 километра, в горы, в Ингекер, потому что она учетчица. Я иногда остаюсь даже под присмотром мельника. И живу я там совершенно вольно. Но они сразу постановили, что я буду учиться, и учить меня будут дедушка с бабушкой. Были взяты учебники. И меня действительно учили, и учили очень успешно. Я окончила таким образом четыре класса. Когда я приехала в Ленинград, то у меня документов не было. Говорят: откуда мы знаем, знает она за четыре класса или нет? Меня экзаменовали. Русский, сказали, немножко подогнать. Я позанималась летом немножко с учительницей, но это происходило оттого, что, общаясь с грузинскими, турецкими детьми, я, конечно, говорила немножко с акцентом, видимо, копируя их. Потом так как-то это было. А все остальные предметы... ну, например, географию, сказали, что я знаю за седьмой класс. Но могу сегодня сказать, как дедушка меня учил географии. Он, например, мне говорил: «Назови все острова вокруг Европы». И я говорила: «Ирландия, Исландия, Великобритания, Корсика, Сардиния, Сицилия, Кандиле, Крит и остров Кипр». «Теперь покажи». /Смеется/ И я до сих пор помню, как они меня учили. Или как он меня учил таблице умножения. То есть он со мной занимался географией, естественными науками и историей. Бабушка занималась рукоделием, прикладным всем и русским языком и... не помню еще чем. В общем, чем-то еще бабушка со мной занималась. Уроки эти были строго, как надо.

Или дедушка уезжал в деревню, он там часто был. Там очень интересно, там такие сакли: сверху ток, зерно... в общем, крыши служат местами, где ходят, где ток, и где собаки, и где дети. Дети очень такие... все они очень бедные, очень несчастные эти турки были тогда. Дети маленькие ползали. Штанишки у них разрезаны вот так вот, посередине, чтобы, если намочат, так намочат на землю. Всюду земляные полы. Дедушка, где у него был, как бы один дом отдан ему под правление, и где он мог переночевать. Так там был кусок застлан ковром. Дедушке с больной ногой было очень тяжело сидеть, и вот он там сидел. А они сидели не на застланном, потому что

вши кругом были, и бабушка мне не разрешала с дедушкой садиться на ковер. Но когда он приезжал из села, она его заставляла на веранде раздеться, потом войти в дом, а его вещи осматривала. Если я с детьми поиграю, потом то же самое. Мне потом голову мыли.

Но с детьми при этом разрешали играть?

- Нет, летом я играла с детьми. Даже когда я уехала, дети сшили мне... вообще бабушка шила там еще. У нее была единственная машинка ручная. Если свадьба, там же юбки по 11 метров шесть штук невесте надо было, чем толще, тем лучше... Так она по бархату делала такие узоры, шила им это все длинное, огромное. А они мне сшили куклу и полный турецкий наряд. У меня была кукла, - пропала в войну. Короче говоря, я там занималась. Но я там пристрастилась к чтению. Делать было нечего, я стала читать. А бабушка мне соответственно подсовывала. И я больше всего любила удрать, чтобы меня не заставляли работать. У меня было любимое дерево. Я залезала на самую вершину, а оно такое, дальше росло, как кресло, я там садилась, и брала туда книги. Ну очень мне нравилось! Видимо, бабушка правильно сделала. Она мне давала сначала однотомник Пушкина, Лермонтова. Я просто до сих пор картинку помню. Это брокгаузовские издания, где папиросной бумагой закрыта картинка. До сих пор помню, как на меня лермонтовская поэма, где «взмахнула шашка раз и два, и покатила голова» и так далее, и так далее, в общем, неважно. Это Загоскин, вот такой том. Этих вещей сейчас не издают. «Аскольдова могила», «Брянский лес». Это так интересно, такая история, самозванец, историю Мнишек я узнала по Загоскину. Ну. И, конечно, бабушка стала... говорит, надо читать и серьезное. Ну, Пушкин, Лермонтов – это всегда при мне были. А вот она говорит: «Надо начинать тебе уже читать Достоевского». Мне было девять лет. Говорит, ну, знаешь, лучше всего начать с «Неточки Незвановой». И она мне дала первый раз. И я рыдала жутко! Дедушка сказал: «Ты не давай ей такие книжки, что она там слезы льет!». Бабушка с ним спорила, сказала: «Именно с этих книг надо начинать читать» и так далее. Люди эти были необыкновенно честные, необыкновенно... бабушка была необыкновенно... как сказать? С каким-то самоотречением. Что-то в ней монашеское даже было, я не знаю. Она всю себя людям отдавала. Когда турок выселяли, она пришла...

В каком году?

- В 44-м. Она пришла в это село, это же ее односельчане, ее это... Она разобралась... Она как толмач туда пошла, потому что эти пришли солдаты, сказали всем погрузиться. Никто ничего не понимает. Стоит вой, крик, все плачут... А им сказали: к утру, машины, всё, будете отправлены. Ничего же не разрешали, ни скота, ничего... И они стали там вещи паковать. Бабушка пришла и сказала: «Матрасы выкинуть». Сказали – три мешка надо на семью. А матрасы шерстяные, знаете, набитые, кавказские, одеяла тоже из шерсти. «Выкиньте. Набивайте три мешка, три матраса вот таких. И берите все, что хотите – свою утварь, всё, забирайте». И вот она так научила их. То есть она пошла как бы вопреки, против этих солдат, которые... А вообще это была Сталинградская дивизия. Все с орденами, все с медалями «За Сталинград». Все такие красивые, молодые парни шли мимо меня. Вот тогда я помню. Бабушка проявила такое мужество, и не дала им так просто этих увезти. Но дело не в этом. Они, во-первых, очень интересовались. Радио не было, были только газеты. Они меня научили читать газеты. Какие бы они ни были газеты, но чтобы я там понимала, что происходит в стране, и всё прочее. Бабушка не смогла сохранить, к сожалению, мамины последние письма. Она мне их несколько раз читала. Это с Соловков. И я хорошо помню, что в одном письме было

написано, что пусть Лиза смотрит каждый раз на Полярную звезду, на Большую медведицу, созвездие, и вспоминает обо мне, потому что я выхожу и смотрю, и я знаю, что она на Кавказе тоже хорошо видна. И также прошу очень прислать мулине, это поможет мне, может быть, выжить. Мама хорошо шила и вышивала, ну а там, вообще-то, ... все делали в тюрьме рубашки... Возможно, что она там делала, мама. И последнее письмо, которое бабушка мне читала, я помню, что там написано: «Спасите мою дочь. Я погибаю. Умоляю только – спасите мою дочь».

Эти письма бабушка мне читала несколько раз. Но когда перед арестом младший брат мамин, Сандро, приехал и привез свою жену с ребенком туда, он сжег всё – все фотографии мамин, все письма мамин, все отцовские, всё, что у них было, он сжег. Это мне сказала потом бабушка.

Это в 37-м году?

- В 37-м году. ...

И я вот многое умею делать. Любовь к растениям, любовь к красоте, к картинам. Они меня этому учили потому что... Ну, тогда «Огонек» был с иллюстрациями, или еще какой-то журнал, у них это было. Но еще, плюс к этому, были разговоры о том, что ни в коем случае они не могут быть виновны. Ни Сандро, ни Нина... Еще тогда не сослали Раю и Марго. Еще не были сосланы. Но она убеждала меня, чтобы я знала, что это честные люди, что мать надо любить, что она очень хороший человек, что никакими они не могут быть ни изменниками, ни.. это внушалось мне с детских лет. Я так это считала.

А когда вы узнали, что родители арестованы?

- Что папу расстреляли? Как я узнала, что уже папа в тюрьме, мама в тюрьме, это они мне объяснили.

Только дедушка с бабушкой? Когда вы к ним приехали, то тогда они вам это объяснили.

А как они это объяснили?

- Они сказали, что папа твой арестован, мама тоже арестована, и дядя Сандро арестован. Мы про судьбу не знаем. Вот дедушка писал даже Сталину. Но это честные люди, мы знаем. Ты должна это понимать, что произошла какая-то ошибка, как все говорили. Мне это как ребенку внушали. И бабушка мне сказала, а потом тетя: «Лиза, никогда не скрывай, что твои родители арестованы. Ты пиши всюду, что они арестованы по неизвестной для тебя причине. И так я всю жизнь писала в своих анкетах, кстати, очень себе портя жизнь.

Это они объяснили, еще когда вам было девять лет?

- Было восемь, девять, и до одиннадцати лет я у них жила.

А вообще как они относились к тому, что в стране происходит?

- Очень переживал дедушка. Дедушка переживал. Дедушка переживал за крестьян, дедушка переживал за... Разговоры шли, были какие-то, но все-таки сомнений вот таких, что... Ну бабушка, например, говорила, что вот говорят, что в такой-то газете нарисован Ленин, как будто фига в руке, говорят, что нарочно кто-то... это враги были. Бабушка вертела газету при мне, я помню, и говорила: какие глупости! Нормальный портрет, никакой фиги. Куда повернешь, ничего не видно. Зачем такие глупости выдумывать? Вот это я помню. То есть они в это не верили. Они не верили очень во многое, но мне как ребенку они не говорили. Наоборот. На выборы я с ними ходила. В переписи бабушка участвовала как переписчик, и я с ней всюду ходила. То есть они не отрывались. Несмотря на то, что жили очень изолированно, как-то от жизни страны не отрывались. И, вместе с тем, в какой-то степени верили... Ну верили, если даже дедушка писал Сталину. Что происходят какие-то ошибки, происходят

какие-то ненормальности, но о том, что... Нет, этого не было, сомнений, что страна идет не в ту сторону. Может быть, и были у них, но мне это не говорилось.

И еще одна деталь. Несмотря на то, что не разрешалось... Вот дедушка атеист, но он говорил: «Ни один культурный человек не может быть достаточно культурным, если он не читал Библию». У дедушки (она сейчас у сестры у моей) была Библия в картинках, которая весит полпуда. Вот такого размера в иллюстрациях Дорэ. И под каждой картинкой подпись из Библии. И дедушка страницу за страницей, показывая мне картинки, чтобы ребенок не отвлекался, потому что, если текст читать, он понимал, я ничего не пойму, он мне каждую картинку рассказывал. Поэтому когда я уже пришла в старшем возрасте в Эрмитаж, меня совершенно не удивляли Иерихонские трубы, меня не удивляли вот такие... я именно говорю такие вещи, там, самаритянин или Христос и грешница. Я всё это знала. Я знала эти, ну как сказать, библейские мифы, или как это назвать. То есть он мне это рассказывал и не скрывал. Правда, где-то мимоходом, мне говорилось, что не надо это всем рассказывать, что мы с ним читаем Библию. И я в школе не говорила, когда потом пошла уже в Ленинграде в школу, я этого не говорила. Я понимала... Уже тогда у меня была некая двойственность в отношении, что что-то можно, а что-то и нельзя, где-то надо остановиться. Может быть, на этой Библии у меня это зародилось.

Ну, в общем, они мне дали очень многое. Любовь к людям, любовь к растениям, любовь к жизни.

Во что вы играли с детьми?

- Ну, мы играли, мы прятались, как все дети. У меня были куклы, у меня была посуда какая-то. Мне присылали тети, дяди какие-то игрушки, они в мои игрушки играли. У них были какие-то свои самоделки, мы в них играли. Мы в классики не играли, там дети не играют. Но какие-то свои, специфические игры были.

А какие самые интересные?

- Потом они очень любили... У нас тут было очень много, это шелковица. И они очень любили, когда бабушка собирала. Она человек была очень добрый. Мы расстилали большие скатерти, всё под дерево. Кто-нибудь покрепче, парень влезал, ударял ногой, и это все сыпалось. А все, что не попадает на скатерти, все можно было вокруг кушать. И это тоже была одна из игр наших детей, которые приходили специально: ой, сегодня будут трусить туту, надо, значит, прийти к дяде... дедушку звали Александр – ну Шакро-дья, дядя Шакро. Хотя турки, но они тоже говорили Шакро-дья, по-грузински называли.

Потом они меня научили относиться очень терпимо ко всем верованиям. Вот у меня до сих пор понятия... Вот он в турецком селе, он грузин. У грузин на Новый год – поросенок. Никогда бабушка не готовила в той посуде, в которой она давала есть, пить туркам. Они это знали. Иначе, турок, например, придет в грузинское село, попросит воды, он разобьет стакан, потому что там были свиньи, свиней они не едят. И дедушка их закон соблюдал. Он никогда не брал с собой мясо свиное, когда шел в село, только курятину (ну свои куры были) и говядину. Он соблюдал все их правила. Он читал им газеты. Но, будучи грузином, он соблюдал и свои правила, но он ограничивал. И вот турки верили ему, что в том казане, в котором они едят, приходя к нам... приходило много народу, приходили просто в гости, сидели за столом... они знали, что дедушка (по-русски это «оскоромиться», по-турецки я не знаю как)... не дадут им, если он там свинину варил, из этого котла. Вот ему верили. Потом бабушка не брезговала. В селе было много трахомных. Трахома, глаза вывороченные такие. Она не брезговала, ухаживала за больными. И брала меня, как-то учила... ну, это не учила, это я теперь

понимаю, что учила. Она со мной вместе шла к больному, чтобы помочь. Что это надо делать. У меня на всю жизнь это осталось, что людям надо помогать.

Так что на меня, конечно, эти годы, которые я провела у них, детские годы, я потом еще школу там кончала, в войну я тоже там была, но дело не в этом. А вот этот момент очень на меня... Почему я так останавливаюсь.

Грузинский язык вы же не выучили?

- Я тогда, девчонкой, говорила хорошо довольно по-турецки, понимала много слов армянских, потому что Ахалцих – город целиком армянский. Это когда был геноцид, резня, то из Карсы и Андагана бежали армяне, и они вокруг Ахалциха поселились, и город целиком, в общем-то, армянский, хотя он в Грузии. Грузин там тоже много.

Это вот тогда, в детстве?

- Да, тогда я знала. Но говорила я плохо. Это я сразу скажу, потому что в семье-то я все время по-русски говорила. И большая ошибка бабушки и дедушки, что они меня не заставили, как следует выучить язык. Вот тут почему-то они не старались. И я, честно говоря, язык знала очень плохо. То есть я всё понимала. Если они при мне хотели поговорить, чтобы я не понимала, я всё равно понимала.

А что они хотели говорить...

- Нет, нет. Не могу сказать, что часто.

А что у вас осталось на всю жизнь от турецкой культуры?

- Ну я, например, и сейчас, когда при мне говорят армяне, грузины или турки или азербайджанцы, я четко отличу. Во-первых, я по виду отличу. Для всех, что грузин, что азербайджанец. Для меня это не одно и то же. Во-первых. Во-вторых, если при мне говорит армянин или грузин, я тоже четко совершенно понимаю, на каком языке, и много слов я знаю.

А что от культуры осталось? Дедушка, несмотря на то, что он был атеистом, он же все равно был в культуре грузинской.

- Ну, как я сказать. Вот я не знаю. Даже его первая жена, которая плохо говорила по-русски, знала наизусть «Демона» Лермонтова. Такая вот семья странная была. Грузинский... Нет, конечно, он не только заставлял, а мне специально был куплен адаптированный перевод, это специально для меня купили... Для меня купили «Детство» Горького, я помню, там. Дедушка считал, что это надо обязательно прочесть, именно «Детство». И адаптированный перевод Шота Руставели, а потом я уже читала полностью «Витязя в тигровой шкуре». Хотя меня заставили прочесть, как интересную сказку. Он без стихов почти.

... какие-то произведения, какие-то грузинские стихи. Я по-грузински пела, и сейчас иногда, когда сестра бывает или тетя. Помню некоторые слова, «Сулико» в детстве я учила.

Они со мной по-грузински не занимались.

А дома пели?

- Пели? Нет. Бабушка не обладала... Она меня учила, она мне ... балладу пела очень трогательную. ... Но это я просто хочу объяснить, что это манера моей бабушки как-то воспитывать вот какую-то человечность что ли. Вот это ее. Но она не пела песни. Она не могла петь, потому что она не обладала, к сожалению, умением петь, хотя она слышала музыку. А дедушка совсем не пел. Но он уже, конечно, пожилой человек.

А что осталось от каких-то обрядов национальных?

- Национальных? Нужно сказать, что они как культурные люди, они там отличались. Это как бы высокой культуры люди. Ну вот, в Новый год дедушка делал козинаки и делали мы поросенка. Козинаки – это в меду (у него одно время ульи были) орехи в

меду. Это полагалось на Новый год. Ну, некоторые блюда я до сих пор готовлю. У меня вообще гости знают, что всегда, когда придут, у меня всегда будет лук...

Кассета 2

А бабушка тоже была атеистка?

- Да. Хотя бабушка мне объясняла, что у нее отец армянской, григорианской веры, а мама – армянокатоличка. Она говорит: я поэтому разрывалась между отцом и этим... мама меня вела в одну церковь, папа – в другую. Ну, армянские обряды – они немножко отличаются. Дело в том, что армяне же приняли христианство раньше грузин, а грузины на два – на три века раньше русских. Вот. Православие. Грузины – в четвертом веке. Нина Святая принесла им... как бы христианство, а армяне еще раньше. Но у них такое ответвление григорианское.

Бабушка когда стала атеисткой? Уже когда с дедушкой стала жить вместе?

- Я думаю, что, может быть, даже раньше. Будучи учительницей гимназии, когда она Клепелевские (?) курсы кончала. Она была из таких, передовых женщин.

А Пасху как-нибудь отмечали?

- Нет. Никак. Религиозных праздников не было. Ни Пасху, ни армянскую Пасху. Уже когда я была девочкой, училась в школе, жила в доме армян, вот тогда там были какие-то национальные.

А почему вас отправили в Ленинград?

- Дело в том, что надо было продолжать мне учиться, продолжать. Дальше мне надо какой-то документ. Школа – город Ахалцых, 12 километров по такому серпантину. И в городе 12-летней девочке жить одной невозможно. Бабушка со мной не могла поехать, потому что дедушка требовал уход, он человек без ноги, инвалид и все. Со мной надо было что-то делать, и они списались с моей тетей, и тетя Соня, единственная из сестер, которая осталась не арестована, взяла меня к себе, сюда, в Ленинград. Муж ее в это время был арестован.

А скажите, вот в семье шли аресты и вам об этом сразу все рассказывали?

- Да. В семье шли аресты. Я сразу узнала, что Марго отправили в Караганду, что Раю отправили на Вахш, что бедная Рая беременная... ее беременную отправили, она там родила, в страшном каком-то ауле и вообще в очень тяжелых условиях она там была.

А как у вас складывалось понимание, что все хорошие люди и близкие ваши оказывались арестованы. Как это в детском понимании складывалось? Как вы это понимали?

- Ну все-таки, наверное, это мне казалось, что это случайность, что вот это как-то случайно, произошла какая-то ошибка.

И вас этот ответ устраивал? И вас это объяснение устраивало дедушкино?

- Меня не устраивало. Мне хотелось, чтобы мама вернулась. Меня это не устраивало, но... но иного не было.

А писали письма арестованным? Вы маме писали письма, нет?

- От мамы было из Соловков два письма и все.

А вы маме писали?

- Я с бабушкой писала и отправляла. Но получила ли она? Не знаю. Получила ли она, не знаю. Письма писала. Бабушка садилась, писала, и я писала. Но когда приехал Сандро и сжег все фотографии и всё, он бабушке сказал: я запрещаю вам писать Нине, запрещаю ей посылать что-нибудь.

Вы это знали?

- О том, что Сандро все сжег, это я знала. Знала, очень огорчалась, очень переживала, что маме нельзя посылку посылать.

А до этого посылали посылки?

- Бабушка, нитки – она [мама] просила отправить. Но вопрос в том, дошло или нет. Потому что по времени у меня такое впечатление, что не дошло. А когда мне исполнилось 11 лет, встал вопрос о том, что мне надо учиться дальше – пятый, шестой класс. Это был 38-й год. Меня бабушка привезла в Тбилиси, посадила на поезд и одну отправила в Ленинград. Я очень тяжело болела малярией. Еще почему меня хотели отправить? Я там очень тяжело болела малярией.

У бабушки с дедушкой?

- Там, на Кавказе свирепствовала, и я подхватила эту кавказскую... Считали, что перемена климата может мне помочь. Но не помогло.

А вы не боялись уезжать от бабушки с дедушкой?

- Я боялась. Я не то что боялась, я знала, что я еду к тете Соне, всё, но это какая-то неизвестность, меня пугала. Потому что я к тете не привыкла. Я ее видела один-два раза. Но так как я приехала к ней, а там были две девочки – одна старше меня на два года, а другая младше меня на два года, то как-то я так быстро вошла, все-таки не одна была в семье. Вот.

И отправили меня к тете. Одна я там ехала, мне пассажиры помогали. Вот это я помню, что я там чуть не свалилась с полки. Потому что у меня была 40 температура, а я была на верхней полке. Вот это тоже еще подчеркивает эту семью. Бабушка приехала в Тбилиси. Один из родственников, дядя, был не кто-нибудь, а министр путей сообщения. Он со стороны дедушки, его жены брат, первой жены, грузин. Но билеты, вот как мы вспоминаем, и потом девочки ездили (он еще работал) мы покупали сами. Никогда не обращались по благу. Поэтому я, одиннадцатилетняя девочка, ехала на верхней полке.

А как же бабушка вас отправила с такой температурой?

- А у меня это периодически. Как приступ кончался, температуры не было. Не думали, что в дороге будет, а она была. Я приехала сюда, меня здесь сразу – тогда были диспансеры малярийные – меня здесь сразу на учет поставили, выдавали лекарства, кололи меня акрихином и аспирином. Может быть, я сейчас и болею – тоже следствие этой...

А вам легко у тети было, вы тосковали?

- Тут, я бы сказала, уже более сложно. Когда я попала к тете, дядя был арестован, тетя... у нее был собран узелок. Все сосланы, она одна с детьми, плюс она помогала еще одной такой же... как фамилия? Тоже в правительстве армянин, его арестовали, а жена его, Лапина, тоже была арестована, а здесь жила дочка Искра. Тетя Соня ей помогала.

А тетя Соня работала?

- Работала. Причем она работала на партийной и профсоюзной работе. Мы до сих пор не можем понять, как все сестры, которые никакого отношения к политике не имели, пострадали... [а Соня нет]. Вот это доказывает, что это все происходило совершенно бессмысленно, не планомерно, так просто. А вот тетя Соня, которая работала секретарем ЦК в Азербайджане, потом здесь членом Калининского райкома, потом на профсоюзной работе на Металлическом заводе, потому что ей пришлось из-за арестов уйти, но она пошла на профсоюзную работу. Заведовала и детьми на Металлическом заводе, и мы потом обсуждали дома, почему же ее не тронули. У нас только такое впечатление, что с Металлического очень мало брали народа. И она осталась не тронутая, мужа арестовали, а ее нет, только потому, что она работала на Металлическом. А другого объяснения нет. Почему она, партийный работник, член партии... Мама не член партии, Рая и Марго были комсомолки. Мужья у них... У

Марго и Раи мужей не тронули. Тоже смешно. Их выслали, а мужья остались здесь. Но оба погибли на фронте.

А тетя достаточно зарабатывала?

- Нет, мы жили не очень хорошо. Я донашивала платья Майины, Светка вообще за нами донашивала пальто. Но у нас была домработница все-таки... Паня. Тоже, кстати, Паня.

Паня – Полина?

- Ну, моя была Прасковья, а эта была Полина. Вот. ... к своей тете. Сказать, что там совсем все было просто, - нет. Дело в том, что тетя, в отличие от всех других сестер, была человеком таким, суровым по натуре. Она больше была похожа на отца. Она и своих детей не баловала и не ласкала. Может быть, только если Свету, младшую. Ко мне относилась, конечно, так же, как и к ним. Я не могу сказать, что она меня как-то особо там выделяла в хорошую или плохую сторону. Нет! Но мне после бабушки, той, другой, после мамы, которая меня и приголубит, и поцелует, и все – было это немножко трудно. Тетя могла нашуметь – что-нибудь не так. А в дальнейшем вообще хозяйство на меня легло, особенно после войны.

Какие первые впечатления.

- Первое впечатление у меня было нормальное. Она меня сама встретила с поезда, она за мной ухаживала, когда у меня приступы были. Всё вроде нормально. Но вот ощущение сиротливости у меня было.

А как вы пошли в школу?

- Я пошла в школу, я сдала экзамены, потому что документов не было. Подтвердила, что я знаю, и пошла прямо в пятый класс.

А как объяснили, почему у вас нет документов?

- Жила на Кавказе, там не было русской школы – и всё.

И никто не интересовался?

- Нет. Боялись, видимо. Не знаю. Думаю, что тетя в какой-то степени не распространялась на эту тему, потому что она что сделала? Она оформила... Она не могла меня усыновить. Хотела, но оказалось, что нельзя меня усыновить, потому что нет сведений о родителях. Может быть, они живы.

Она это все официально старалась оформить?

- Она официально взяла опеку. Ей сказали, что есть такая форма. Она имеет право взять опеку. А иначе как ей было меня прописать? Я вот к ней приехала, я живу. Нужна прописка, чтобы пойти в школу. Но она, видимо, до моего приезда это выясняла. Она мне потом сказала, что «Лиза, так как твоих родителей нет, я хотела тебя усыновить. Ты не возражаешь?» – Я говорю: «Нет». Ну, для меня это было, в общем, не очень понятным, что значит усыновить, не усыновить. Все-таки это понимают уже во взрослом состоянии. «Но я не смогла. Я – твой опекун. Ты теперь всюду в анкетах пиши: живу с опекуном, опекун – моя тетя». Я так и писала, что я живу с тетей. Она – мой опекун. Но она официальную бумагу имела. Опеку. Над ребенком, не имеющим сейчас родителей.

Она не учила, что в школе говорить, где родители?

- Она меня учила не говорить. С ребятами на эту тему не говорить.

Как вы не говорили? У вас были подруги, наверное. С подругами же Принята откровенность какая-то...

- Были. Я говорила, что я не знаю, где родители. Таких было много. Были еще дети, которые говорили: мы не знаем, где родители. И я говорила: я не знаю, где мои родители. Я живу с тетей. И всё.

А при этом вы понимали, что другие дети, которые тоже говорят, что они не знают, где родители, что у них они тоже арестованы?

- Про некоторых я понимала. Особенно, когда я после войны вернулась, и моя подруга оказалась не у себя дома, а в какой-то... не знаю, в какой-то дыре без окон. Вот та подруга, с которой я дружила, Таня Васянина, и я случайно... вернее, она меня нашла, пригласила к себе. Она оказалась не в том доме. А отец ее был крупный специалист – врач Военно-медицинской академии, и они жили в доме Военно-медицинской академии, и всё было хорошо. И вдруг я прихожу, а она в какой-то халупе, не знаю... правда, на улице Войнова, но какая-то комната под лестницей, в общем ужасная. И я поняла. Она сказала, что мы тут с мамой живем, что у них отняли квартиру и всё. Я поняла, что у нее отец также арестован, как у меня. Но я ее не спрашивала. Я спросила, что случилось. Она говорит: «Папы нет».

А какие первые впечатление от городской школы после стольких лет жизни на Кавказе, да еще не в городе?

- Как-то я очень легко вошла в коллектив. Я не знаю как. Причем я запомнила очень этих ребят довоенных. После войны с ними встречалась. Но много погибло очень из нашего класса. В блокаде очень много погибло. Но те, которые остались, я встречала этих ребят, и у нас сохранились такие друг к другу теплые отношения. Причем я дружила одновременно вот с этой Таней, очень дружила. И она была все-таки из такого, высшего круга. И, кроме этого, я дружила с Люсей Матвеевой. Но... Люсю Матвееву я тоже встретила. Она осталась жива. Она сказала, что вот такие-то мальчишки погибли. Это была жуткая хулиганка, которая ругалась, чуть ли ни матом... не чуть ли, а прямо так, которая вообще ходила неизвестно с кем и как. Хотя это был пятый, шестой класс, про нее говорили... Но мы дружили и с ней, и с ней, причем и Таня тоже. Мы эту Люсю очень любили. Она, кстати, принимала в нас большое участие и нас выручала очень часто от мальчишек, которые вырывали портфели, срывали береты. Она, например, говорила: «Этих девочек не трогайте!» И всё! Так что были у меня подруги. Но, понимаешь, эта Люся, она не интересовалась родителями, у нее самой была одна мама. И вообще это была девочка такая... А Таня... Таня почему-то меня никогда не спрашивала. А вот когда я уже к ней пришла и поняла, что с ее папой, ну, у нас был какой-то такой разговор. Но нам не хотелось об этом говорить, честно говоря. Ей не хотелось признаваться. Она сказала: «Ну ты понимаешь, что со мной» - и всё. Но мы были уже большими, уже после войны это было, перед поступлением в университет. Уже, конечно, совсем другими. Другие понятия, другие взгляды, другая жизнь.

А вы в анкете писали как?

- В анкете я писала всегда одну и ту же фразу: родители арестованы в 35-м году, причину и что с ними, я не знаю. Эту формулировку меня научила моя тетя. Кстати, это не мои слова. Она мне сказала: вот ты пиши так. И я во всех анкетах так писала.

Вот этому меня научила тетя. Потому что анкеты я стала писать, когда уже я приехала учиться. Тогда понадобились мои данные, или что-то сказать в школе или где-то. Она мне сказала: скажи, что арестованы, но называй – она все время подчеркивала – называй 35-й год

А почему?

- Не знаю. Я задумывалась, у меня такое впечатление, что 37-й у всех складывался как враги, а 35-й – это что-то другое. Я так думаю. Но это чисто мое предположение. Почему-то раньше арестованные – это не так страшно. Не знаю. Может такое быть? ... Когда оппозицию брали, это знает не масса, а единицы. А для массы враги были 37-го – 38-го года.

А как было со школьным образованием? не было на уроках скучно?

- На некоторых уроках – скучно. Прямо скажу. Когда была география, история, мне было очень скучно, потому что я это все знала. На русском и математике я сидела нормально. Училась я хорошо. Несмотря на то, что у меня такие пробелы, казалось бы. Я не была круглой отличницей, но я и не была такой... Я отличницей уже стала в университете.

А как с литературой?

- Литература у меня шла очень хорошо, всегда пятерки, но русский у меня хромал в младших классах. ... Со школой все было нормально, но до восьмого класса. Фу, восьмого... До шестого класса, извиняюсь. Началась финская война, затемнения... Школу взяли под госпиталь, мы стали ходить в другую школу. Вторая смена, третья смена, ночью ходили, вечером поздно, в темноте. В общем финская, потом война, эвакуация.

А в пионеры как вы вступали?

- В пионеры меня приняли как-то сразу. Я не могу ничего сказать. Потом, когда комсомол, у меня были заторы, а в пионеры, когда весь класс вступал, почему-то нас...

Они же вступили раньше, чем вы приехали?

- В пятом классе я вступила в пионеры. Но там много народу вступало со мной. Не все в четвертом были пионерами. Единственное, что я помню, что было два каких-то потока. Вот я была во втором, не в первом. И я стала пионеркой. Но это было не очень торжественно. Это была общая такая в школе линейка. Никаких там особых... этого не было, но и никто меня ничего не спрашивал. Может быть, тетя моя была... то, что она написала в документах. Она же заявление писала, что она опекун, и что она работает... такой работник, вроде как член партии... Правда, ее к тому времени исключили.

А когда ее исключили?

- Ее исключили, когда... маме приговор был где-то... да, ее исключили примерно в 36-37-м году, да, в 37-м, когда мужа арестовали.

А исключили за что?

- Мужа арестовали. Но мужа выпустили в 38-м. А исключили за бдительность, за потерю бдительности. Муж, как же! Но он не сидел. Он фактически простоял в Крестах. Столько было народу, что когда дядя Вася вышел, он сказал, что он стоял все время. Сесть негде было. Но его выпустили очень быстро, через девять месяцев. Но тетя Соня ездила хлопотать. В министерство. Мы все потом думали, что все-таки его бы не выпустили, если бы не нужны были очень эти специалисты. Он кончал Дзержинку по дизелям. И потом, когда была уже война, он здесь что-то делал, строил, а потом отправили всех в Казань, целое КБ. И вот эти, на воздушных подушках катера, которые шли на Сталинград, кстати сказать, были ими сделаны. Так что он просто был нужен. Но его выпустили. Он просидел девять месяцев. Но ее в партии не восстановили.

И вы жили все вместе – тетя, дядя...

- Да, тетя, дядя.

А были какие-нибудь разговоры у вас о политике?

- О политике были. Но нужно сказать, что семья матери, вот тетки моей, в отличие от дяди со стороны отца, были настроены очень коммунистически, особенно тетя Соня. Она до конца верила, до конца своей жизни, в победу коммунизма. И, по-моему, моя младшая сестра... ну, я считаю ее сестрой, мы вместе росли... она до сих пор еще считает, что все, что делается, даже с пенсиями, все правильно. Это в ней... И еще потому, что она учительница. На учителях на всех лежит какой-то... Она у нас... Старшая и я, мы как-то больше понимаем, то есть поняли жизнь и включились в эту жизнь, совершенно по-другому пошли. А тетя Соня... Самое смешное, что она

помогала всем. Она содержала вот эту Искру, она помогала Лапину, она помогала Доре. Это... Ой, как же ее фамилия? Вот две фамилии забыла. Он очень известный, потом в «Правде» писали, что он умер, это ее близкий друг, а Дора его жена. Он вышел из тюрьмы, а расстреляли его брата, поэтому он остался жив. Не Икрамов... Вот похожая фамилия. Тот татарин был. Вот.

Она всем помогала! Всех их считала безвинными. Когда они вышли, он рассказывал. Вот это я слышала. Он рассказывал, что лагерь – это застенки, это концлагерь. И она все равно стояла на таких коммунистических позициях. Вот я не знаю, почему она...

Но это все было при детях? Говорили свободно.

- Говорили, говорили.

А как вы это воспринимали. Или это вам сейчас странно?

- Нет, нет. Мне тогда было странно. Мне странно было многое в ее поведении. Но я тогда уже студенткой стала задумываться, потому что я уже несколько раз получила по носу за свою анкету. Я уже чувствовала какое-то недоверие. Во-первых, когда я сдала и сдала очень хорошо в университет, меня не приняли на отделение русского языка и литературы, а приняли на отделение русского языка и литературы, логики и психологии, куда собрали всех, кто сдал не очень хорошо, или у кого были какие-то изъяны. Ну, например, дочку писателя Чуманвина, там училась с нами. Левенштейн, такой парень, у него очень известная мать – критик Трифонова. В общем... Но отец сидел. Вот собрали такую группу. Это мы уже понимали, мы уже были большие. Во-первых. Во-вторых, когда я кончала, меня чуть не арестовали. Я осталась... по ленинградскому делу. То есть меня встретил в коридоре муж моей подруги, который был в партбюро, и который две недели был в плену. Он мне сказал: «Лиза, ты идешь в аспирантуру?» Я говорю: «Да». «Иди быстренько, комиссия по распределению еще работает. Иди быстро, бери куда-нибудь направление и уезжай». Я говорю: «А что такое, Миша?» «Ты знаешь, у меня и у тебя, у меня – плен, а у тебя родители. Подчеркнуто красным карандашом». 52-й год! Я пришла домой и говорю тете Соне: вот так и так. Она говорит: «Немедленно бери распределение». Я взяла – Краснодарский край. Сказала, что не хочу быть в аспирантуре, хочу ехать помогать родине. Я взяла Краснодарский край. Когда я пришла домой, говорю: вот там-то и там-то. Тетя мне говорит: «Когда ты должна ехать?» Я говорю: «К 1 августа» - «Ты поедешь к 1 июля». Вот понимаете, она все-таки понимала очень многое. То есть нам она не говорила. Она понимала больше... «Ты поедешь к 1 июля». Я говорю: «А что я там скажу? Вот, явилась...» «А ты скажешь, что тебе сказали здесь, что ты хочешь поработать летом». И я уехала. Аресты были позже. Вот тогда арестовали Таню Смилгу, этих Раковых, всех же тогда... [детей арестованных родителей] То есть нет, их раньше, в 48-м году. А в 52-м году здесь шли аресты Гуковского, вот эти все...

А вот в школе эта пропаганда советская, она не была вам противна?

- Контраст резкий [между школой и домом] я не чувствовала, но я никогда не была в ряду... мне как-то это было немножко... чуждо или неинтересно. Я даже не могу сказать.

Общественная жизнь?

- Да. Хотя меня избирали. Я была очень такая девочка, из активных. Ну, старостой я не была. Когда я уже в университете была, я была одно время комсоргом даже группы. А в школе? Дело в том, что у меня школа делится на две части. Вот я кончила шесть классов, и я не успела еще войти в эту среду, и еще не было большой агитации. Потом началась война. Мы эвакуировались... ну, там не важно где...

Про эвакуацию просто отдельно расскажите. А Павлика Морозова вы в школе проходили?

- Павлика Морозова мы проходили, но почему-то я как-то на это... или у нас были такие учителя, которые не заостряли внимание. Ну прошли и прошли, прочитали про него и прочитали. Я, по-моему, думаю, что я прочитала про него еще у бабушки. Потому что тогда в газетах писали. А она мне газеты все давала читать.

Но у вас не было с этим образом...

- Желания стать Павликом Морозовым у меня не было. Желания сказать, что мои родители... отречься от своих родителей, у меня не было.

А возмущения по поводу...

- В семье говорили, что нельзя. И у дедушки, и у бабушки, и тетя моя говорила, что от родителей не отрекайся. Она даже говорила так, что, может быть, твой отец и виновен, я не знаю, знаю, что он был в оппозиции. Но мама никогда не могла быть виноватой. Поэтому никогда не отрекайся. То есть при всей ее коммунистической этой... она поддерживала своих сестер в ссылке, она поддерживала всю семью, и нас не воспитывала в духе – ага, вот это вот сослали, враг народа и от него надо отвернуться.

Вы знаете, что мне не понятно? Вот вы на хорошей литературе столько лет воспитывались, как же вы советские книжки...

- А я ее и читала, я и в школе...

Но ведь дрянью-то всякую тоже надо было. Неужели это не вызывало какого-то диссонанса?

- Дрянью начала чувствовать, когда я пошла в университет.

Потому что нас заставляли. В школе-то это не заставляли читать, а в университете... Бубенов или как его там... все эти дурацкие колхозные романы... Вот когда их надо было прочесть, а потом еще содержание это... это очень на меня действовало плохо.

А в школе – нет?

- А в школе... А что же мы проходили такого? Островского. Но это ведь для юношества все-таки как опыт...

Нет, я почему и стала спрашивать про этого Павлика Морозова. Во-первых, это литература плохая, во-вторых, это антигерой. Но вы его не заметили просто.

- Я его не заметила, потому что я попала вот в такой период, когда мы только, как говорится, прошли... потом эвакуация, война... И тут гораздо более... Вот Зоя Космодемьянская – вот это у меня в памяти есть.

Ну и как?

- Это я читала. Читала первые лидинские заметки в газете. Я, конечно, очень переживала за нее. Но это был герой войны.

Но отторжения не было.

- Отторжения не было. Нет, нет. Как раз тут я считала, что... я не знала, что это фикция или не фикция, и принимали за... или там, Матросов. Но это человек отдал жизнь. Это совершенно другое. Павлик Морозов – там вообще все непонятно. Меня это не трогало. Вот так я скажу. Потому что я колхоз видела другой. Я жизнь видела несколько иной.

... литература, которая пошла ко мне уже с седьмого класса, это была военная литература. Это немножко другое. Она под другим углом.

Расскажите: война, оккупация, что происходило с семьей? Вы к началу войны жили – дядя, тетя...

- И три сестры.

И вас трое детей.

- Трое детей. Причем у тети все трое мы с разными отчествами. У нее старшая дочь от одного мужа, который арестован.

Это кто?

- Майя, старшая – Майя.

А как фамилия?

- Берман. Известная фамилия вот того самого... Берман есть Борис, вот тот самый, который за ленинским гробом шел. Там даже на снимках... А это его брат, Лёва. Это ее муж.

Первый, тети.

- Да, Лев. Тоже арестован. Когда его арестовали, она через некоторое время вышла замуж за дядю Васю. Фамилия – Залого. Поэтому у нас Света была Залого Светлана Васильевна, Майя была Берман-Делибаш Майя Львовна, а я была Елизавета Александровна Делибаш, по маме. Но это сразу меня и метрику так сделали.

А почему?

- Почему? Они уже тогда понимали, что отцовская фамилия – это криминал. Не потому, что еврейская. Этого у нас в семье не было. Дело в том, что у всех, и у следующей сестры, у Раи, у одной – эстонец, у другой – еврей, Родин. Так что у нас семья очень интернациональная. И вот чего не было никогда, это чтобы хоть как-то презирали какую-то национальность. И тетя моя, несмотря на свой коммунизм, была... с пеной у рта... могла, не знаю, человека убить, если он там... Не важно, не важно, дело не в антисемитизме, а скажи про латыша или про кого другого, она бы... Она считала, что все люди одинаковые. Это у нас было. Очень такая интернациональная семья была. Мы уважали всех. Вот. Тут началась война.

И вы оказались все с разными фамилиями, с разными отчествами.

- С разными отчествами у одной тети.

Поэтому вам было проще.

- Нам было очень сложно.

Нет, вам лично... ваше сиротство не выделялось.

- Да, да. Для меня это было немножко... как-то скрадывалось. Но, когда мы попали в эвакуацию, то с карточками были очень большие сложности, потому что женщина одна, трое детей, все с разными отчествами. Вообще... Каждый раз выяснялось, нет ли тут подвоха, ошибки, подделки, я не знаю чего. Все время нас...

А как вы в эвакуацию попали?

- Шел эшелон, морской эшелон от дяди, и семьи моряков погрузили, и нас отправили... *Дядя был на фронте?*
- Дядя на фронте не был. Я говорю, он инженер, строил дизели. Он в Ленинграде остался в блокаду. Он остался и Марго осталась. Марго тонула в Таллинне, когда флот тонул, вместе с ним. Но она осталась плавать, и ее спасли на катере. Она приехала в Ленинград, и здесь ей... Вот опять флюктуация нашей власти. Марго, которая приехала из ссылки, у которой зять там кто-то арестованный, виновный и всё... Она радистка на пароходе. Ее берут работать в порт. У нее красноармейская книжка, она военнообязанная. Потом к ней приходят домой. Вот такой факт. Это просто... На меня он давно подействовал очень. Я знала об этом после войны сразу. К ней приходят домой и говорят, что если Ленинград будет сдан, вы тут останетесь. Вот подняли паркет в нашем доме. Мы даже это место видели, знаем (но сейчас этот дом разрушен) и туда сунули радиоприемник. Она была оставлена как агент.

После ссылки.

- После ссылки и после ареста всех кругом ее оставили. Но не кормили, к сожалению. Ее потом увезли буквально... [умирающую в эвакуацию]. Ну, может быть, поэтому и вывезли, что за ней все-таки как-то присматривали. Ее прямо штабелем вывезли по Ладого. То есть она уже ходить не могла. Вот. Она попала к дедушке на Кавказ. Там ее

откормили. Она пошла опять на фронт и была на Закавказском фронте всю войну на зенитной батарее радисткой.

А мы, в том числе Рая с дочкой, были погружены в теплушки...

Рая - это?

- Рая – это тоже сестра, тети Солина сестра. У нее была дочка Татьяна. И мы... Она как бы к нам присоединилась, к семье моряка. Мы сели в одну теплушку, и нас повезли. Это было 26 сентября. 28-го был закрыт фронт. Мы были последним эшелонном. Следующий за нами эшелон был разбомблен. Мы подбирали людей потом. И началось...

А куда вас везли?

- Нас везли на Волховстрой. Мгу уже разбомбили, совершенно. Станции не было. От начальника станции одна фуражка осталась. Поезд то стоит в поле, нам кричат: выходите из вагонов, прячьтесь в кусты, сейчас будет обстрел. То снова в вагоны. Наконец моя тетя – она вообще командирша, она в вагоне командовала, такой характер – она сказала: «Что бы нам ни говорили, из вагонов не выходить!» И к счастью, потому что поезд тронулся. Машинист стал маневрировать. Он то гнал туда, то сюда, то туда, то сюда. А сверху летали, стреляли. Сбоку от нас, мы просто видели в эти прорези в теплушках, что там огоньки, нам говорили – это уже десант немецкий.

Кассета № 2

- Конечно, это наша первая встреча с войной, и ничего приятного. Но мы довольно быстро проскочили это место, и самолеты от нас отстали. Но следующий эшелон они разбомбили. И на дрезинах или на чем-то другом людей, которые там остались, подвозили в Волховстрой, где мы остановили, наш поезд стоял. И наш эшелон грузили, потому что он тоже был наш, морской. Одна из женщин потом рассказывала уже в эвакуации, что у нее юбка была мокрой от крови, она медсестра, она помогала, так что там много народа погибло. И под таким впечатлением мы выехали из Волховстроя, приехали мы в Башкирию этим эшелонном. В Башкирии нас высадили в открытое поле, подъехали какие-то подводы, все мы шли пешком, вещи ехали на подводах, и нас привезли в село. В селе больше половины домов пустых, значит раскулачены. Нас поселили в эти пустые дома, полные лягушек, мышей и блох, как ни странно, хорошие, крепкие дома. Но оказалось, что куча женщин и детей, а вокруг – ни школы, ничего, ни работы, ни денег, ни питания. Кроме как по аттестату эти женщины получали.

По какому аттестату?

- Что такое аттестат? Жены военных имели аттестаты. То есть это документ, по которому платили деньги за военного мужа. Вот тетя у нее муж пропал без вести, у нее аттестата не было.

Тётя это...?

- Рая. А у тётки Соли аттестат был, потому что ее муж работал в военной организации.

И он остался в Ленинграде? В блокаде?

- Он остался в блокаде. А потом их вывезли самолетом, он прилетел в Казань. Так что он голод испытал, но приехал в Казань, и там строили. Кстати, он там тяжело заболел на почве недоедания и голода, и был в психиатрической больнице какое-то время. Мы тогда наголодались очень хорошо, потому что мы сразу же лишились не только пайка, но и аттестата. А в Казани был голод, самый натуральный.

Но вы были еще не в Казани?

- Нет, мы еще были там, в Бузовьях, и моя тетя и еще...

Бузовьязы - это Башкирия. Из Бузовяз, так как детям надо было учиться, он писал письма командованию, и нас перевели в город Бийск, это место, где погиб Чапаев, на реке

Белой. И там мы жили год, спали у хозяйки в одной комнате все, вповалку, на полу. Рая в это время с ребенком уехала на Кавказ, оказалась без аттестата, и всё, у тети Сони служащая карточка, мы все иждивенцы. Еще Рая с ребенком иждивенцы, так это совсем не прожить. И она уехала каким-то образом, товарняком, со всякими перипетиями уехала...

А у нее ребенок младше был?

- Младше. Самый младший. Она, Кстати сказать, одна из самых больших деятелей в Дубне, в «Мемориале». Очень активная, много чего делает. Она была тут недавно. И мы выехали в Бийск, там я закончила 6 класс, потому что он прервался войной. И оставались мы в Бийске, но было очень голодно. И в это время дядю привезли из блокадного Ленинграда в Казань.

Это был какой год?

- Это был 1942 год. Но мы приехали туда, мы немножко воспряли, потому что у него был паек, мы начали учиться, нас поселили в хорошем месте, дали нам хорошую комнату. И тут дядя заболевает. Как только дядя заболел, мы оказались в ужасном положении, то есть мы ели так, жена одного офицера, с которым мы ехали... вместо мяса там давали селедку, она отрезала головы, давала там, мы варили суп.

А тётя не работала?

- Тётя [Соня] работала. Но у нас - иждивенческие, а она служащая. Она работала где-то в РЖУ или где-то. У нее профессия. Она заканчивала профсоюзный вуз. Она работала на таких должностях, это не рабочая карточка. Там ничего не отоваривали. Сахара не давали, давали такой рулет, это такая замазка на те полкило, которые давали на месяц, получался вот такой кусочек. Хлеба мы получали 400 граммов, масла не давали, давали заменитель, вместо мяса давали селедку. Там люди умирали на улице. Об этом просто не пишут. Например, одна женщина пришла к нам, в нашу квартиру, потому что дом коменданта города не запирался, и утром мы на плите нашли мертвое тело. И там, на улицах люди падали, потому что кушать было нечего. Казань очень плохо снабжали. Там более или менее жили те военные, которые строили эти лодки, их семьям давали пайки. А тете пришлось, что же... Дядя попал в сумасшедший дом, он именно сдвинулся по фазе. Говорят, от голодания. Ей говорят, ему поможет мёд. И вот тогда мы продали эту самую шаль, дедушкину награду. Мы тогда просто со старшей сестрой вынимали из чемодана всё, что мы привезли, и шли на рынок и выменивали. Причем, мы даже... Что на карточки полагалось - это водка. Вот тут мы были просто счастливы, потому что на одну бутылку водки давали на рынке буханку хлеба. И вот тут у нас было счастье. Мы с сестрой ездили и работали в колхозе. Мне было 13 лет, и я выполняла 300 процентов взрослой нормы, но никого это теперь не интересует, наш трудовой подвиг. Представляете, на току я выполняла 300 процентов.

А что делали?...

- Это сколько я носила зерна. Зерно сыпали в амбары, молотили, собирали сено, всё делали, что делали взрослые, потому что совхоз был с одним дядей Стёпой, у которого не было ноги, и еще одним мальчиком, который нам развозил воду. Остальные там были бабы, которые были такими же, как и мы. И девчонки-школьницы, которых приводили из города. И мы там были с мая по ноябрь.

Но там платили в колхозе?

- Там платили натурой. Мы оттуда привезли сколько-то картошки, мы оттуда привезли сколько-то помидоров, которые потом жарили. Вот так вот. И кормили нас. За кормёжку. Нет, денег не платили, денег мы не привезли. И наступил такой момент, что у тети было просто отчаяние. Она обратилась к дядиному начальству. Что делать? Мне нечем кормить детей, но я их могу отправить на Кавказ. Помогите мне отправить

детей на Кавказ к родителям. И ничего другого было нельзя сделать. Нас посадили в товарные вагоны...

Всех троих?

- Всех троих. Тетя осталась в Казани, нас посадили в товарный вагон. В этом товарном вагоне почему-то везли огнеупорную глину, не знаю, почему, она, наверное, нужна для пороха или для какой-то стали, не знаю. И у нас был сопровождающий моряк, семья морского офицера, в морской вагон нас посадили. Одной 16 лет, одной - 14 и одной 12 лет. В таком составе мы в вагоне товарном на этой огнеупорной глине. Каким-то образом нам сбили из досок типа нар на эту глину, мы положили свои вещи. Нам тетя отдала всё: и зимнее пальто, и летнее, потому что туда на долго, и постель. Мы расстелили постель. Мы накрывались чем-то. Дала она нам с собой одну тыкву, которую мы привезли из колхоза, и килограмм пшена, и рейсовые карточки.

Какие?

- Рейсовые.

Что это такое?

- Карточки были обычные, но если ты ехал в дорогу, тебе меняли их на рейсовые. По рейсовым карточкам можно получить в любом городе. Ты в рейсе. И мы поехали. Ехали мы через Сталинград, потому что другой дороги на Кавказ тогда не было, это 1943 год. Сталинград только что взяли, только отбили немца. Я не говорю о том, что ехали мы ровно месяц, я не говорю о том, что в остальных вагонах тоже были сопровождающие. В одной ехали узбеки, что-то там везли, мы к ним иногда ходили в гости, они нам рассказывали сказки на таком уровне примерно. Жила-была баба... Вот так. Через два вагона ехал летчик, видимо, механик, вез полушубки. Ему было лучше всех, он на них спал, вез летную форму, мы его почему-то прозвали Глондуа, это один из героев Диккенса. И мы его просили всё время, а у нас ни у кого не было часов, сколько время, когда кушать. И он нам, зная из-за чего, мы спрашиваем, говорил на час меньше, чтобы мы поели и не мучались.

А почему вы спрашивали?

- Да, мы распределили на три раза, потому что у нас было очень мало еды. То есть когда нам покушать. И он нам показывал, и обманывал нас. И самое сложное, это, конечно, туалет. Поезд товарный, он останавливался, где угодно. Вот раз, и он останавливался в чистом поле. Было не до стеснения, но сопровождающий нас очень... Он говорит: всё, вы на той стороне, я – на этой. И то за него боимся, другой раз мы на ту стороны, А пролезает под вагоном, а поезд в это время раз и трогается. И ты вообще не знаешь, куда деваться. А мы же все-таки дети. Но как-то справлялись.

А что это был за сопровождающий?

- Простой матрос. Но нужно сказать, что относились к нам изумительно. Вот я не представляю сейчас, чтобы мы три девчонки поехали... особенно Мая, которая была очень красивая, я не могу сказать, что я была уродом, но на Маю просто оглаживались на улице. Она с зелеными глазами, с черными локонами, высокая, стройная. Мы все были немножко не по летам развитые, потому что, видимо, играла кавказская кровь. Но относились к нам изумительно: охраняли нас, кончились рейсовые карточки, их же дают на месяц, а мы уже едем месяц. В Сталинграде всё разбомбили, ничего нет нигде, одни руины. оберегали нас, все эти сопровождающие нас знали, и из других вагонов. Если вдруг поезд трогался, они нас звали, кричали, подхватывали и пихали. Так мы доползли до Сталинграда, у нас И вот по каким-то стрелкам, Мая со Светкой пошли искать, где можно получить карточки, забрав все документы, оставив меня в вагоне с вещами. И поезд наш трогается и уезжает, переводят на другую товарную станцию. Наш сопровождающий мчит в город, чтобы они не испугались. Я уже плачу, потому что я куда-то уехала без документов, без денег, без сестер, а они где-то там. И я без

еды. И сопровождающего нет. Но, в общем, страху мы натерпелись. И они тоже шли обратно уже с карточками, даже где-то уже хлеб получили. Подходят, и нет состава. У них тоже такой страх. Ну, потом они нашли этого нашего моряка, его звали Коля. И пошли куда, и потом после этого случая, он прибил такую палку на вагон, чтобы наш вагон был виден. Таким образом, мы доехали почти до Баку. Не доехали мы одной остановки до Баку, в Баланжарах у нас загорелась букса на нашем вагоне. Букса - это сзади у колес, которые приводят... В общем, начался пожар, вагон надо отцепить от всего состава. Что нам делать? Мы же не можем еще оставаться. Наш Коля стал бегать по всем эшелонам, а эшелоны кругом вот так стоят. Коля нашел один вагон, где моряки и говорит: «Я сопровождаю семью капитана второго ранга, детей. А у меня вот так... Примите девочек с вещами». Там уже была целая команда, был лейтенант и несколько моряков. Места там не было совершенно. Я помню, что мы от Баку до Тбилиси почти полустояли, полулежали. Но нас впихнули с вещами. Там были пассажирские вагоны, и товарные вагоны. Но все-таки как люди относились - эти матросы, которые там были, этот лейтенант. Ни один из них, как говорится, не только не тронул, но вообще помогали.

Доехали мы до Тбилиси, нас привезли не на пассажирскую станцию, а в так называемый Нахтклуб, то есть на товарную станцию. Ночь, темень. Тот поезд может тронуться, уехать, а нам надо вылезать. Куда идти? Как на пассажирскую попасть? Какой-то попутчик идет, спросили его, он нам так рукой показал: вот туда. А тут сплошные составы. Мы - три девчонки, а лейтенант говорит, что он свой состав оставить не может, он бы нас проводил, но он не может. Солдат он тоже не выпускает. Выгрузили, а у нас два таких тюка и два чемодана. Вот мы меня посадили с вещами, Света с Майей под вагонами, по вагонам прошли какой-то кусок. Майя Свету там оставила, пошла опять по вагонам за мной, мы с ней стали пробираться под вагонами и дошли до Светки, пошли второй раз, и так в три этапа мы дошли, наконец, до пирона вокзала. И тут, о счастье, идет тот лейтенант. Он узнал, что они будут долго стоять. Я пришел вам помочь. А он нам до этого говорил: «Ждите меня, не лезьте за билетами, сидите с вещами». Потому что на вокзале - это что-то страшное, это переселение народов. Еще говорил: «Вас обворуют, а я вам в воинской кассе куплю билеты». И к счастью, мы его встретили. Мы там обосновались, со Светкой сидим как куры, растопырив руки, буквально, потому что вокруг снуют. Это теперь воруют, а тогда просто ужасно было. Майя с ним куда-то пошла, в общем, билеты достали. Началась посадка в этот поезд, это вообще не передать. Поезд в Боржоми нужно брать приступом, в окно вещи кидать. Вещи кинули, а мы еще не в вагоне. Надо это представить детей в таком состоянии.

Младшей 12 лет. Но мне тоже 14 лет. А что такое 14 лет?! Майе - 16, она как раз кончила школу. В общем, влезли, поехали. Приезжаем, о пять почему-то ночью. Приезжаем ночью, сидим по середине Боржоми. А нам еще в Ахалцих надо, а мы знаем, что в Ахалцих надо на попутной машине. Где это ночью машина в военное время. Идет же война, светить фарами нельзя... ничего.

Это какой год? 1943?

1943 год. И вдруг идет мужчина. Мы спрашиваем: «скажите, пожалуйста, где достать машину до Ахалциха?». И он говорит: «Вы что, девочки, с ума сошли?». Он по-грузински говорит: «Гижиа, какие ночью машины, нахалки! Что вы тут делаете вообще, с вещами... Дети, как вы тут? Что вы тут делаете?». Мы ему объясняем, что едем к дедушке, что нас посадили на поезд так и так. - «Идемте ко мне. На улице вам быть нельзя». Мы взяли послушались и пошли. Если бы в наше время вот так послушаться и пойти, чем бы это кончилось. Мы пришли к нему, он нас всех уложил на полу. Мы поспали до утра. Утром он нас отвел, показал, где сесть в машину, конечно, на грузовик. Приехали мы Ахалцих, а

до Ахалциха еще 12 километров. Мы приехали в Ахалцих почему-то опять ночью, в 4 часа утра. Майя оставила нас с вещами и пошла искать эту улицу... /Сбой записи/

Приехали мы, Майя нашла этот дом на улице Хацкевич, еще помню. Тетя Рая жила там, снимала комнату. Вот эта Рая, которая уехала, чтобы работать. Она же не могла у бабушки жить, а на что там жить, ей же надо было работать, с ней ребенок. Ребенок в детском саду, а она снимала комнату. Причем, там очень интересно: дом, проходишь через коридор хозяев во двор, а во дворе такая пристройка к дому, и вот в ней жила Рая. И вот она прибежала к нам, Таню бросила дома. Таня до сих пор рассказывает, как мама ушла ночью, ее кто-то позвал. А потом привела кого-то, на пол положила. Но она работала в каком-то цехе, поэтому она смогла нам устроить баню. Мы же не мылись.

А тете Рая где была?

- Она вообще кончила политехнический институт здесь, в Ленинграде. Она вообще работала на «Красногвардейце» очень много лет в химической лаборатории инженером. Мужа она потеряла на фронте, а дочь воспитала.

Так, вы не к бабушке поехали?

- Нет, когда мы приехали к Рае, а нам всем надо учиться. Дело было в ноябре, мы уже в школу опоздали. Мы все поселились у Раи в этой ее комнате. К бабушке мы только приехали, сказали: «Здравствуй», - и вернулись назад, в школу с опозданием попали, мы целый месяц ехали, не ожидали же... Мы приехали в Тбилиси, я точно помню, 7 ноября, это как раз исполнился месяц. И еще два дня мы ехали сюда. А 7 ноября... почему мы это запомнили, потому что 7 ноября взяли Киев. И по радио, ночью без конца объявляли, голос Левитана говорил о том, что наши войска вошли в Киев. И мы начали учиться. Я пошла в 8 класс. Я в Казани кончила 7 класс, соответственно Света пошла в 5 класс, а Майя осталась у бабушки с бабушкой, потому что она уж кончила школу и ей надо было работать. Она в Ахалцихе не нашла работу и в этом селе устроилась учить допризывников русскому языку. И самое трудное было научить одного парня говорить слово «гимнастерка», он все время говорил «гимнасерка». /Смеется/ Она приходила домой и чуть не плакала. Как она ему скажет, так он не мог сказать. Там прямо, налево, определенная книга, по которой нерусских надо было научить определенным командам. Кроме этого, она еще там кое-что преподавала. Учила допризывников и еще кого-то там обучала. За это ей что-то платили, она у бабушки жила. А мы жили трое у Раи. Танечка ходила в детский сад, а мы ходили в школу. Я там начала учиться. 8 класс. Все знают, кто такой Делибаш... в Ахалцихе все знают. Надо вступать в комсомол. Вот тот самый вопрос. То есть я хочу сказать, что до этого, если спросить: какие у меня впечатления? Какие школьные настроения и всё остальное, это был период войны, это был период каких-то лишений, каких-то трудностей. Некогда было думать, и не было этих вопросов. Был вопрос о том: возьмут Сталинград, не возьмут. Радовались, что взяли Киев. На какое-то время даже забылись вопросы о том, есть у меня родители или нет, потому что у меня сестры, у которых тоже никого нет. Мама - там где-то, а папа - болен. Для Майи - это дядя. В общем, тут, когда я попала в 8 класс, стали вопросы, можно сказать, политические. Мне надо поступать в комсомол, и я прихожу и говорю, что я хочу. Как все, тогда все хотели. Я не могу сказать, что я не хотела или я была не сторонник этого строя. Все-таки меня в семье не настраивали так, это я могу сказать точно. Я сказала, что хочу, тем более, что мне тетя сказала, что тебе надо вступить в комсомол, иначе ты никуда не сможешь... Тебе надо учиться дальше, ты способная, иначе ты никуда не попадешь. Эта мысль тоже была. То есть я хочу сказать, что вот этот прагматизм, может быть, потом сделал меня более критичной к жизни, потому что уже тогда начинались какие-то зачатки: ты вступил в комсомол потому, что это нужно, а не потому что это веление души. Вот это

уже было. Но это шла как-то подспудно. Вот я говорю, что мне тете сказала: «Уезжай», - это я уже рассказывала, после окончания университета. Это меня тоже навело на какие-то мысли, она же понимала, что меня могут не взять, что берут детей, до этого арестованных. То есть сказать, чтобы этого совсем в семье не было, этого нельзя, что все шли с красным знаменем вперед. Нет. Уже почва подготавливалась. Но такого, что меня воспитывали и говорили, что вот этот строй такой, что всех арестовывают, нет, такого не было. Во-первых, это было опасно, а, во-вторых, она и сама была коммунисткой.

Она и сама так не думала?

- Она сама не думала. Я стала вступать в комсомол, тут встал вопрос: у меня родители арестованы. И в комитете мне сказали, что они должны подумать. Через какое-то время меня вызывают в райком комсомола. Для меня райком комсомола тогда не был никем, но все-таки это куда-то к начальству. Я до сих пор помню разговор в райкоме комсомола. Я туда пришла, там сидит парень, потом я с ним много виделась, знала его, и говорит: «Ты что, внучка Делибаша?». Я говорю: «Да, внучка». - «А где твои родители?». Я говорю: «Не знаю, где. Знаю, что арестованы, а когда и что...». - «И почему?». Я говорю, что не знаю, они вообще не виноваты. Подумал, подумал. «Но ты же внучка Делибаш?» - Я говорю, что внучка. «Ну, ладно, иди, скажу в школе, чтобы тебя приняли». Вот на таком уровне...

Это такой авторитет деда?

- Да, все-таки деда очень уважали. Я говорю, его слава, хотя он жил за 12 километров, но как культурного или какого-то необычного человека его знали.

А какое у вас было чувство после этого разговора?

- Неприятное. У меня вообще было очень неприятное чувство, когда задавали вопрос. Конечно, были ребята, которые спрашивали: «А что с твоими родителями?», Я вообще тогда я чуть не расплакалась, хотела уйти, мне было противно. Сам прием у меня не вызывал приятности, потому что народ был настроен, что, может быть, они враги. Я говорю: «Они не враги». - «А откуда ты знаешь?». Вот так было неприятно.

А при этом в комсомол хотелось?

- Хотела по двум причинам. Во-первых, была так настроена, потому что все в классе были в комсомоле, не было не комсомольцев. А, во-вторых, я говорю, что мне говорили, что мне надо вступить в комсомол, потому что иначе дороги не будет. Например, я знаю одну женщину тех времени, которая мне рассказывала, что будучи - всё «отлично», пошла на год на завод, чтобы потом, из-за станка поступить в институт, потому что ее бы не взяли, она дочь профессора.

Она с вами вместе училась?

- Нет, это моя знакомая. Я хочу сказать, что у меня тоже была подспудная мысль, что надо вступить, иначе я буду белой вороной. Я вступила в комсомол, и очень хорошо я училась, пользовалась у ребят авторитетом, потому что много знала, много читала. Школа русская, нужно учесть. Город в Грузии, две армянские школы в этом городе, две грузинские и одна русская. В русской школе учатся или русские дети военных с погранзаставы, потому что город пограничный, или армяне, потому что армяне, потому что армяне учат русский язык, чтобы потом уехать учиться в Москву. Что так и было. Один из наших ребят, Симонян, он долго был министром тяжелой промышленности. И Вартамян до сих пор журналист в Москве.

Армяне, надо сказать, это народ способный. На Кавказе это своего рода евреи, они гонимые, без родины. Армении как таковой не существовало, они же по всему миру расселены. И вот это их расселение, это мне дедушка объяснял, кстати, заставило эту нацию приспособиться. И выжили самые способные. Так что в этом я убедилась на

практике. Я училась именно в русской школе, где учились не грузины, а армяне. У меня весь класс. Поэтому я по-армянски понимала лучше, потому что в классе были армяне. И через какое-то время я стала комсоргом школы даже на таком уровне. Как-то ко мне не придирались больше с моими родителями в то время.

Тогда вы рассказывали, как вы видели, как высылали турок?

- Да. И вот летом, между 8 и 9 классом, в 1944 году я поехала к бабушке как всегда на каникулы. Что же я буду жить в городе без денег. И так-то я там жила... Рая уже к тому времени уехала, Света с Майей уехали. Я осталась одна, потому что у меня остался 10-й класс, чтобы его закончить. Что же я там буду делать? Мне бабушка пришлет кукурузную муку, я мамалыгу сварю, вот и вся моя еда.

А куда все они...

- Они поехали в Ленинград. Тетя Соня прислала вызов, и они поехали. А мне она написала: «Лиза не приезжай, заканчивай 10 класс, что же ты будешь срывать. Как ты будешь здесь?». Вот я приехала к бабушке. Объясняю: мы в ущелье, дом, мельница. И с дороги, вдруг, цепочка, идут солдаты по направлению к нашей мельнице. Приходят к нам русские ребята, все очень brave, говорят, что сталинградская дивизия. А по дороге едут студбекеры, как сейчас дальнбойщики. А это по лендлизу присланные нам из Америки такие грузовики с брезентовым покрытием, огромные. Едут эти студбекеры. И едут очень интересно: часть едут к нам через дорогу, чтобы подняться в Енгикё - это новое село. А остальные едут по Муравилу, там тоже турецкое село. А в Пинзу, в грузинские села не едут. И эти солдаты идут, а мы с бабушкой смотрим и спрашиваем: «А что это такое?». Они говорят: «Ну, мы тут оставим двоих на посту. Вы не возражаете?». Они видят, что мы по-русски говорим. Мы говорим, что нет. «А куда вы?» - «Мы идем в село...». С трудом называют название.

А как, еще раз, село называется?

- Енгикё, через «ё». Мы идем туда, будем всех турок вывозить. Куда? В Узбекистан, а, в общем, мы не знаем. Он потом выяснил, что, действительно, в Узбекистан. Бабушка заохала: «Как, куда, как же можно?» - «Это, - говорит, - не наше дело, это приказ». И бабушка, бросив меня, помчалась в село. Я осталась здесь. К счастью, она туда пришли, стала объяснять, а бабушка был в селе. Его там тоже задержали, их обоих задержали, чтобы были переводчики. Люди русского языка не знали. И вот началось: я одна, дом пустой, эти солдаты, которые, сказали, будут охранять. А... они ушли на мельницу, вниз, они там были с мельником. И началось: по дорогам идут студбекеры, стоит вой. И я на всю жизнь запомнила этой вой. Причем плачут не женщины, а мужчины. Что-то выкрикивают и воют, причем, воют, в полном смысле слова. Что они выкрикивают. Что говорят, это было не слышно из-за шума машин. Но раздается единый гул человеческих голосов. Это вот так их вывозили. Теперь говорят - турки-месхитинцы. Они же не вернулись. И вот эти машина за машиной из Енгикё, из Муравили... Там сзади нас есть мост, они проходят через мост и опять все на одну дорогу. Как они не свалились там с дороги... Жутко. К утру всех вывезли. То есть их собрали за одну ночь. Всех вывезли, село пустое. Бабушка уже не счетовод, села нет, никого нет. Через какое-то время приезжают семьи осетин, которые решили здесь поселиться.

Они сами приехали?

- Да, им предложило государство, наверное. Они прожили полгода, после зимы они все уехали, потому что это высокогорное место 1200 над уровнем моря. У нас холодно, у нас виноград не растет, только кукуруза, плохо растет лобия. Самое главное, что они приехали с мест, где растет виноград. Они вырубали сады, посадили виноград. Все померзло зимой. Зима холодная, снежная. Они вообще не приспособлены жить. Дома

им не понравились, а дома, действительно, были бедные. Крестьяне эти, турки, были очень бедные. Им все это не понравилось, скотина разбежалась к тому времени. Им же говорили, что дома там, скот. А кто остался ухаживать за скотом? Никого. Скотина ушла в грузинские села, те разобрали, да и всё. И эти осетины уехали, до сих пор село стоит пустое. Мне сказали совсем недавно, когда тетушку вывозили, что 2-3 дома заняли какие-то грузинские семьи. Село как таковое исчезло. Муравили не так сильно исчезло, потому что там близко погранзастава, там кое-кто занял. Так что вот так там опустели сады. Пашни потом передали соседним колхозам. Не все использовали, потому что колхоз тоже старается близко... дальние уголья никому не нужны. Так что разорили целый край.

Скажите, вы остались одна, а бабушка с дедушкой?

- Они потом пришли.

И что они рассказывали?

- Они говорят, что очень плакали. Бабушка пришла рыдала, по-грузински так, не волосы рвала, а так, руками... «Ой, какой ужас, что случилось, как это людей, да моих дорогих, знакомых...» Дедушка просил их писать. Очень быстро мы получили от них письма, что жить очень тяжело, что их поселили на рисовых полях. Они не знают, как сажать и ухаживать, что кругом узбеки, язык вроде похож и не похож, что умирают подряд... Больше трети там умерло. После третьего письма к дедушке пришли с погранзаставы, дедушка им что-то отвечал. Пришли и сказали: «вам пишут уехавшие?» Он говорит: «Да, я получаю письма». - «Я вас прошу больше не писать, и письма вам больше передавать не будут». Всё, больше об их судьбе мы не знаем. А так они писали. Даже моя подруга Лилина, с которой я много играла, она умерла. То есть письма были. Но всего три письма, потом запретили.

Как вы себе это объясняли? Как дедушка объяснял?

- Объясняли, что это неправильно, что это плохо, что это ошибка, что этого быть не могло. Их обвиняли в шпионаже, в передаче. Они, во-первых, не могли ничего передать, это известно. Говорили, что они стреляли и нападали. Дедушка говорил, что он знает, что у них нет оружия, всё это вранье. И зачем люди мучаются, непонятно. Вот это мне дедушка говорил. Кроме того, в самом Ахалцихе арестовали и выслали с этими же эшелонами тоже всех турок, даже не месхитинцев, не этих турок, а мусульман. Там были азербайджанцы, были некоторые выходцы... И среди них был начальник милиции. Он застрелил себя и семью. Они не поехали. А это тоже город осуждал и очень осуждал тех... Зачем же его было трогать?

Кроме этого, было несколько семей армян, у которых сыновья, будучи в армии, попали в плен, и попали в плен во Франции. Я с этими ребятами, когда они вернулись, была знакома, потому что это были в основном братья моих подруг. И я ходила, даже радовалась, что нас приглашали, меня приглашали, что у Рузаны брат. Мы пойдем, посмотрим, поговорим, посидим за столом. Все-таки я в школе была тогда... У них судьба такая. Они попали в плен, попали во Францию. Во Франции французские женщины их называли: брат, брат. Таких немцы выпускали. Они выпустили этих армян. И они ушли в маки', и почти все они имели французские ордена. Они приехали как герои. И в 1980 году я читала в «Огоньке» их истории. И сейчас они сейчас герои. Но в тот момент их вместе с турками выселили в Красноярский край. Всех, кто был в плену во Франции, несмотря на то, что они воевали против немцев, их всех забрали вместе с семьями. Вот это дедушка, бабушка и я осуждали, что как же так, героев войны вместе с семьями забрали. И вот эта Рузана мне писала, что они тяжело живут, что они в Красноярске, что очень холодно. Представляете, с Кавказа людей переселили. Но все-таки в отличие от турок-месхитинцев

Кассета № 3

- ... не разрешали брать даже собак. Они очень обижались почему-то не столько на скотину, сколько на собак. Вот это осуждалось в семье как большое горе.

Это осуждалось? Как политика власти или как случайная ошибка?

- Со мной не говорили, политика это власти или нет. Просто, что это большое несчастье, что так делать нельзя, что это, скорее, какая-то несправедливая ошибка.

Там ошибка с турками, ошибка с ингушами?

- Так это все постепенно у меня лично откладывалось, конечно, и к чему привело, к тому привело. То есть я пришла... То есть все демократические взгляды и всё ко мне привились и прилипли очень быстро, потому что, кстати, все мои сестры уже были в Ленинграде, они этого выселения не видели. А на меня это произвело очень тяжелое впечатление. Но в этом время что случилось? В Грузии ввели 11 класс [одиннадцатилетнее школьное образование]. И я вместо того, чтобы кончить 10-летку, оказалась без аттестата. Но жить еще год, тётя говорит: тебе еще один год жить нельзя, что ты тут будешь одна? И я приехала в Ленинград, но, думая, что за 10-й класс у меня оценки есть. И я пришла в роно и стала объяснять, нельзя ли мои оценки поменять на аттестат или сдать мне экстерном. Но мне не пошли навстречу, сказали – закавказская республика, нет, нет, нет, вам надо снова закончить. И я снова в Ленинграде кончила 10 класс.

В каком году вы закончили 10 класс?

- Я приехала в 1946 году, в 1947 году я кончила и поступила в университет.
- А что-нибудь было особенного в этом последнем, 10-м классе?
- Нет, я как-то не очень сошлась с ребятами, мне не очень нравилось ни преподавание, ни всё. У нас в Ахалцихе была очень сильная литераторша и очень человечная. Здесь наша классная руководительница была немка, очень презрительная к людям, детям. На меня этот 11 класс я с трудом кончила, то есть по учебе не с трудом, но я хотела вырваться из этой школы. Школа мне не нравилась, и я совершенно не проявляла... Я, будучи секретарем комсомола, меня здесь тоже все время хотели к чему-нибудь, зная... Я здесь никакой общественной работы не вела, и мне не хотелось, и не интересно было. Не знаю, у меня этот год какой-то темный. Я его дальше больше забыла, чем я забыла свои детские, младенческие годы. Яркого в памяти ничего нет.

Скажите, я с каким-нибудь стукачеством, доношением вы сталкивались в школе?

- Нет.

Никогда?

- Вот этого мне никогда не предлагали, даже когда я была секретарем никаких... В Ахалцихе не было таких... Надо сказать, что я не знаю, почему, но там вот этих разборок не было. А здесь, кстати, в этой школе было какое-то собрание, Когда кого-то осуждали, что-то говорили. Мне почему-то все это было очень противно, когда ребята на ребят. Я не могу сказать, что это стукачество. Но разборы дисциплины, там две девочки подкрашивали глазки и что-то еще и их на собрании. Не знаю, а мне почему-то эти девочки нравились. Я, говорю, я даже не подружилась ни с кем. Я очень общительный человек, но здесь я не заимела никакой подруги. Я приходила и уходила, мне было неинтересно. И учителя меня не привлекали.

А жили вы?

- У тети.

И кто тогда жил вместе с вами?

- Тогда жила тетя, дядя, он уже поправился к тому времени, работал на «Русском дизеле» инженером, он демобилизовался в связи с болезнью. Тетя, дядя, Мая и Света.

Но дело в том, что Света всегда у нас была маленькая. У Майи началась экзема рук, и она, окончив медицинский, вынуждена была пойти биохимиком в лабораторию, потому что она не могла общаться с больными, руки были некрасивые, больные, могло быть неприятно. А мне на плечи легло хозяйство, то есть готовка обедов, стирка, после войны я - студента. Тем более что я училась во вторую смену. В университете филфак был переполнен, места не было. Там был еще и восточный, и народов Севера, и все это в одном месте. И поэтому мы почему-то учились во вторую смену. Я поздно приходила домой, в 12. И я готовила и делала... Меня, конечно, это немножко угнетало, почему это с них тетя не требует, а с меня требует. Но с другой стороны, у меня это все получалось, я, видимо, всю жизнь так, как хозяйка умела, а другие не умеют. Не знаю, но так. И когда я кончила, вот эту историю я уже рассказала, я сразу уехала...

Как вы поступали в университет? Как выбрали?

- Филфак я выбрала сразу, это я еще в Ахалцихе хотела, что я пойду заниматься литературой и русским. Яне думала, что я буду учительницей, этого желания у меня не было. Но мне пришлось уехать в Краснодарский край и работать там преподавателем.

А студенчество?

- Студенчество у меня... Учились мы хорошо, группа была дружная, никаких не было споров, разговоров. Не было особых собраний.

Начался 1949 год...

- Но наступили... это был 1948, 1949 год, начались аресты наших преподавателей.

Борьба с космополитизмом?

- И самое тяжелое впечатление это было тогда, это не сейчас моя трансформация сознания, это тогда я слушала, как Пропп, это довольно известный фольклорист, Азадовский, это отец Константина, как они калялись и говорили в актовом зале, там был весь актив, а они говорили перед... Там и студенты сидели, а они говорили, какие они допустили ошибки. Это выглядело страшно, это выглядело неприятно, мы стеснялись. Я знаю, что я слевой Левенштейном из нашей группы сидела ядом, мы стеснялись друг другу смотреть в глаза. Потому что мы слушали лекции этих преподавателей, мы знаем, какие они интересные люди, и вдруг такие разговоры. Когда шли лекции Буковского, вот так вот полный зал, все окна, всюду стоят, и еще к дверям приставлены скамейки, на скамейках стоят студенты. Я даже помню, что Рытхэу стоял на скамейке со своей женой.

А когда арестовали Буковского?

- Его арестовали, а курсом старше училась его дочь, которая потом стала Долининой. Она вышла замуж за Долинина, у нее были двойняшки, она писала книги. Мы знали этот старший курс, как-то с ним общались. Может быть, это колхозные поездки, может быть, как-то еще, но мы с этим курсом общались. Конечно, мы за него переживали, считали, что, конечно, это что-то такое, совершенно... Он так читает, у него такой курс, мы не считали его... Не знаю, в студенческой среде, по крайней мере, в нашей группе... Но наша группа – это группа, которую отделили по каким-то не тем признакам, хотя бы даже многие из тех,

А как в вашей группе вы это обсуждали?

- Я скажу так, что в то время люди старались не обсуждать, потому что разговоры не... Но умалчивание это тоже своего рода неодобрение. Мы не хотели на эту тему говорить. Вот так.

А были какие-то студенты, которые говорили, что Буковский - враг?

- Были, и вот это противно, потому что студенты не могли знать этого. Если уже говорили бы, то преподаватели. Но были преподаватели, которые по какому-то... говорили. Но я скажу, что когда я все это слушала, чувство неловкости, неприятное

чувство у меня осталось. А вот что говорили против, я не запомнила. То есть это мимо, потому что это, видимо, были какие-то пустые слова. А вот их поведение, я знаю, что Азадовский потом чуть ли ни с инфарктом был, Пропп не приходил потом на лекции.

А что они говорили, Пропп и Азадовский? Они про себя говорили?

- Да, про себя, только про себя, что они допустили ошибки. Да, он говорил, но он проронил мысль, что в фольклоре, например, тип лиса во французских сказках и других, это я примерно... И вот он говорил, что надо было подойти с других позиций. Но это противно. И когда мне тетя сказала уехать, я согласилась. Я сразу уехала и стала преподавать литературу, русский, логику и психологию, тогда была еще в школах. Одновременно у меня совершенно не было времени ни на какую политику, потому что в школе я была в старших классах одна преподавательница. Во-первых, мне надо было готовиться. Во-вторых, мне очень не нравилось, что ребятам нечего делать. Я устроила фот-кружок, но не по фото, а драматический кружок и танцевальный кружок. Два моих кружка в этом, хотя я танцевать не умею, но я брала книжки, пособия, как нарисовано, как танцевать. Способные девочки показывали, мы это разбирали и в результате два моих кружка заняли один в районе, а другой - по Краснодарскому краю какое-то место.

А где вы были в Краснодарском крае?

- Станица Архангельская, Краснодарского края. Станица, надо сказать, раскулаченная, кстати, ее раскулачивал Калинин. До сих пор они об этом они помнили, они жаловались, потому что у них не было садов. [Я спрашивала]: Как же так? Показывают Кубань, горы фруктов, овощей и все, и у вас ничего нет? Да, мы все порубили, когда в колхозы стали объединять, мы все порубили. И так до сих пор не сажали. То есть была алыча, абрикосы и ничего больше не было. В 6 утра в воскресенье открывался базар, я, например, покупала все продукты на всю неделю. Больше нигде торговли не было. В магазине все было пусто. Но я жила у хозяев, которые ко мне хорошо относились, у них была корова, и они приносили мне сметану, давали молоко. Преподавала я спокойно, дети относились хорошо. Надо сказать, что там были румыны, о румынах говорили очень хорошо, не как об оккупантах. Это я разговаривала. Причем интересно, что с одной женщиной у меня был разговор в бане, и она говорила, что, да, при румынах они жили хорошо. И уже тогда я стала понимать, что, во-первых, не все оккупанты - оккупанты. И я вся отдалась этой работе: преподаванию, занятию в драмкружке. Дело в том, что все школьники были переростки. Пока были румыны, школа не работала. И поэтому у меня в 9-10 классе были ребята гораздо старше, чем должны были быть. Может быть, они были серьезнее, потому что, когда ко мне пришли 8 классы, ребята с хуторов, мне пришлось их вести, это было совсем по-другому. Они безграмотные, потому что был период, когда у них были учителя так называемые выдвиженцы. То значит, что какого-то комсомольца 3 месяца обучают преподавать английский язык или русский, и он едет преподавать на хутор. Его по комсомольской или партийной линии - это так называемые выдвиженцы. Но это давало зарплату. И все шли в эти выдвиженцы. И эти выдвиженцы давали такое, что это были абсолютно безграмотные дети. И мне приходилось с ними сидеть и заниматься. И мне было не до политики, не до чего. Я классный руководитель 8 класса, у меня 9, 10 классы идут прилично, а мой 8 класс - это было что-то ужасное. 9 человек отстает по математике, 10 - по физике, 8 вообще не тянет в химии. И мне пришлось применить все мои школьные знания, и я с ними дополнительно занималась. Занималась алгеброй, занималась геометрией, вспомнила все, что я знаю по физике.
- Так что, честно скажу, что когда умер Сталин, кроме двух учительниц, которые плакали, я не помню, в этой станице стоял бы рёв, и чтобы я плакала. Нет, я пришла на

траурный митинг. Но как рассказывают, что рыдали, - этого не было. Может, потому что станица была раскулаченная или что-то другое. Я не могу сказать, я не вникала, этим я не занималась... Хотя меня посылали читать лекции. Я должна была прочесть 1-2 лекции в клубе обязательно. И 1-2 лекции на полевом стане. Но я выбирала какие-то литературные, и избегала острых вопросов.

А для вас смерть Сталина? Ваши ощущения.

- Ощущения у меня были такие, что, что-то кончилось, что-то оборвалось, что-то будет по-иному. Но что, что-то серьезное, что Сталин - это все-таки... на этом что-то стояло. Это я понимала. Но такой скорби, как говорили, как будто отца родного потеряла, этого у меня не было, потому что, видимо, ни в доме, ни дед с бабушкой, никогда не внушали, что это свет очей.

А портрет Сталина висел у кого-то в доме?

- Нет, у нас в доме не было.

А что-нибудь висело, какие-то картинки? Фотографии семейные?

- Фотографии висели наших родных в семье. Картина? У тети Сони в комнате висел, помоему, пейзаж. А у меня в комнате висела над столом картина, которая потерялась в войну. У меня много вещей потерялось в войну, которые от мамы с папой. С каким-то художником, причем хорошим, они дружили, со многими довольно известными. Но эта картина потерялась. Я ее помню, коричневая рамка, небольшая картина. Она написана в стиле... не шишкинские деревья. Там лес, деревья, но мазками. Картину я помню, она сейчас перед глазами. Висел портрет Маяковского, это я точно помню, Маяковский с собачкой. А Сталина не было.

А Ленина

- Нет.

Скажите, 7 ноября, 1 мая?

- Это мы справляли. Дома, просто собирались гости, это отмечали. Других праздников-то не было.

Это отмечали как праздник или потому что просто выходной?

- Нет, скорее как праздник, наверное. Нам, по крайней мере, 1 мая разрешали надеть носочки, разрешалось надеть пиджачки, снять пальто, и давалось мне 3 рубля, Свете 3 рубля, Майе 5 рублей. И мы шли, покупали ириски, покупали круглое мороженое, которое облизываешь. В общем, наслаждались шарик. Поэтому нам это все нравилось.
- Что это революционный праздник, никогда это не говорилось, а что это день трудящихся, мы знали и читали на плакатах. А дома... Нет, мы отмечали это, приходили гости. А в какие другие дни можно было созвать гостей? Только на эти два праздника. Еще был Новый год, но это как-то более семейно.

А 7 ноября?

- Также и 7 ноября.

И всегда в эти дни приглашали?

- Нет, не всегда. Иногда тетя с дядей уходили к кому-нибудь. А мы, студенты, тоже могли куда-нибудь уйти.

Но это уже после войны.

- В войну почти не отмечалось.

А до войны?

- До войны я же была до 6 класса и мы, ребята, не всегда за стол приглашались. Но кто-то был. Но нет, так... Отмечалось. То есть могли 7, 8 прийти, не обязательно 7 ноября. Но на демонстрацию ходили.

Всей семьей?

- Нет, как-то ходили порознь, такого семейного торжества не было. Дядя Ваня ходил с военными, тетя Соня шла со своим заводом, я шла со школой, Светка маленькая никуда не ходила. Майя шла со школой. Так что...

А вам это нравилось?

- Когда была хорошая компания - нравилось. Мы даже студентами ходили. Мы один раз чуть не влипли. Мы ходили и качали всех милиционеров, поднимали и подбрасывали. А так конный ехал, и наша группа стала кричать: «Качай конного». В общем, нам в результате попало от каких-то организаторов этого шествия. Пока мы дошли до Дворцовой, нам сказали - прекратить, а то вас мы сдадим куда-нибудь. Нехорошие действия, вызвали кого-то из парткома. Шло университетское начальство, и нам сказали: прекратить. Ну, веселились, пели песни. Конечно, пели.

Какие?

- Пели всякие и даже не очень приличные.

Это какие?

- Я уже даже не помню, в памяти перепутались. Туристские песни уже после этого были и вот те песни. Иногда пели что-нибудь совсем неревOLUTIONционное. «Летели два гуся» - совсем не подходило. Но нас никто не останавливал, не говорил. Если был в группе какой-то заводила, то... Но ходили, потому что, во-первых, это было обязательно, то есть учитывали всех, отмечали всех, кто пришел, кто не пришел. И около университета строились, шли через Васильевский остров, шли мы очень долго. Мы же шли через мост Лейтенанта Шмидта, а не через Дворцовый, хотя, казалось бы, через Дворцовый раз - и всё. Нет, чтобы мы долго прошли, мы проходили Васильевский остров. А когда школьники, тогда я училась на Выборгской стороне, мы шли через Петроградскую, через Литейный мост и потом по набережной. Так чтобы семьей, чтобы мы с тетей Соней ходили, с ее заводом - нет.

Скажите, а ваш день рождения вы помните? Как его отмечали в разные годы?

- Да, нет, не очень, пожалуй, отмечался.

Не помните?

- Мои дни рождения я стала отмечать торжественно и с друзьями, когда я вышла замуж. А в семье, меня поздравляли, а так, чтобы пригласила друзей, как-то этого не было, даже студенческих, хотя у меня там были очень близкие подруги.

А в детстве, бабушка с дедушкой делали какой-нибудь праздник?

- Бабушка с дедушкой всегда отмечали. Но я была одна, а их было двое.

Расскажите про обручальное кольцо?

- Это у меня кольцо моей бабушки.

Какой бабушки?

- Елизаветы Борисовны. То дедушка Илья Семенович, отчим моего отца, когда я вышла замуж, отдал Иосифу [мужу] и сказал: это Лизе отдай, это Елизаветы Борисовны кольцо. И я его одела, и я его с тех пор не снимала, как одела это обручальное кольцо. Мамино кольцо не было. У тети Сони кольца не было. Надо сказать, что они не венчались, хотя мама кончала ведение святой Нины в Тбилиси. У меня есть мамин аттестат, очень интересный, он на русском языке и написано: перевела Нина Делибаш.

Скажите, чтобы закончить эту общественно-политическую линию, XX съезд, вы где были в это время?

- XX съезд, я была в Ленинграде. Это какой год? Я там была 2 года. Я вышла замуж в 1953 году, и Иосиф приехал за мной. Потому что у меня не хватало срока, чтобы уехать. Надо было отработать 3 года, а у меня получалось 2,5, мне еще год надо было работать. И чтобы меня отпустили, он приехал в станицу, мы там зарегистрировались. И у меня поэтому очень интересный паспорт. Родилась в Минусинске, сама грузинка,

замуж вышла в станице Архангельская Краснодарского края. /Смеется/. Вообще не понятно, кто. Он приехал за мной, но он приехал в свои каникулы перед самым дипломом, и уехал. А довела класс до конца, вот это сознание у меня было. Этому меня научили в моем доме, что я не могу бросить по середине года детей, раз учеба. Я довела их до мая, до экзаменов, сдали экзамены, и летом я приехала сюда уже окончательно.

В каком году?

- В 1954. А в 1955 у меня родился сын.

Расскажите, как вы познакомились с Иосифом.

- Когда в 1946 году вернулась в Ленинград и поселилась у тети Сони и стала учиться в 10 классе, я сразу созвонилась с Ильей Семеновичем и с Паней. Они жили в одном деревянном доме, который сейчас... там проходила улица Есенина, Клены еще сохранились, на которых мои дети качались. Я позвонила им, телефон у них был, что я приехала, они сразу мне сказали, чтобы я к ним приехала повидаться. Я к ним приехала и началась бесконечное мое житье: то я жила у тети Сони, то я на два дня ехала в эту семью. Потому что, во-первых, моя няня хотела, чтобы я у нее побывала. Во-вторых, Илья Семенович очень тепло ко мне относился. Я не знаю, почему. Говорят, что он очень уважал своих пасынков: моего отца и Гришу Кордовского. Потому что вот эти снимки, кстати, сделаны в том доме, это значит, Гриша и Витя приезжали к своему отчиму, потому что все это сделано во дворе этого дома. Я ездила, а там был мальчик, который учился в 7 классе, а я уже, слава Богу, кончила 11-й и собирались стать студенткой. Я ему понравилась, он вроде как ухаживал за мной, но это было еще нечто школьное. Я не очень обращала внимание. Я уже большая, а он еще мальчик.

А он по возрасту в седьмом или это войной сбилось?

- Нет, он был в 8 классе, когда я приехала, кончил 7 класс и перешел в 8. Потом он кончил 8 класс, и я все туда приезжала. К нему приходили приятели, я очень подружилась с этими его приятели, особенно с Юликом Шишкиным до самой его смерти, сегодня мне звонила его жена, у нас такая дружба с 8 класса, его 8 класса. Но я знала, что я нравлюсь Иосифу. Ну, и хорошо. Я могла приехать туда, мне кто-нибудь звонил, и я говорила, все, я уезжаю. То за мной какой-то курсант ухаживал.... Я поехала в театр. Потом приезжаю: Иосиф, я забыла у вас свой матрикул, в стол положила, привези мне. Он мне привозил. Или я ему могла позвонить и сказать, что я забыла дать свой телефон, я дала этот телефон. Вот ко мне позвонят, ты обязательно передай, чтобы он пришел туда-то и туда-то, я туда придут. То есть он у меня был как мальчик на посылках. Но он мне не изменял, не было у него больше девочек. Его мама очень переживала, это моя свекровь, она ко мне очень хорошо относилась, когда я была девчонкой. Когда я приезжала, она появилась, новая бабушка, но я ее бабушкой не звала, я звала ее Анной Иосифовной. И она всегда меня кормила, следила, в общем, все нормальные отношения. Вообще люди они были очень интеллигентные и терпимые к людям. А потом, когда он кончал 9-10 класс, я у них была на выпускном вечере, а я уже была студенткой 3 или 4 курса, мы вместе ходили в Озерки. И оказалось, что его директриса - моя директриса довоенная. И я к ней обратилась: «Вы меня не помните?». А мы его прозвали «овчарка», ее фамилия Овчарова. И я ей говорю: «Маргарита Михайловна, вы меня не помните?». Она говорит: «Нет». Я ей говорю: «А Делибаш не помните?». - «А это что? Ты младшая сестра Майи Делибаш?» - Я говорю: «Да». - «Ох, эта Майя мне и дала». А Майя была притчей во языцех в школе. Она, например, могла в раже закрутиться, схватить какого-нибудь парня, приподнять и посадить на парту. Чернильницы же были, а у него на серых брюках - пятно. Мне дают записку, я тете Соне передаю, она спрашивает, что там такое? Я говорю, а она мне: «Лиза, разберись».

Я прихожу и говорю, что тетя не может прийти, что мне ей передать? Она вспомнила. И я ее встретила, когда кончал Иосиф, свою директрису.

А фамилия у него была чья?

- У него была фамилия матери. Так отец его и не усыновил. Он родился еще была жива бабушка. А потом в войну они зарегистрировались, потому что в войну ей надо было работать, жить, а она с ребенком. Но он не стал усыновлять. Так что у него фамилия матери. И стоит прочерк в этом. Но отец действительно Илья Семенович Либерман, это известно.

А какого он года?

- 1931. Но я потом я уехала. Перед отъездом он объяснился и сказал, что всё, у него никого, никогда не было, и он только... Я говорю, что я не знаю, я уезжаю. Потом из станицы я написала, что тут за мной ухаживает, может быть, я выйду замуж или что-то еще написала. Анна Иосифовна узнала об этом, пришла в полное отчаяние, отправила его под Москву к своим родным. Там была очень приятная девушка, она хотела, чтобы он познакомился. Он от этой девушки сбежал. Я, конечно, писала дурости. В общем, за мной очень много народа ухаживала. Судя по карточке. Я была не дурна. А я валяла дурака. Отношений у меня не было. Тогда не было принято иметь бой-френда, может быть, я где-то и сдалась. Но все-таки тогда девочки мы держали себя более строго.

Иосиф где учился?

- Он поступил в Политехнический. Но когда я уже до того как я уехала и стала студенткой, когда он мне объяснился, мы так решили пока ничего не афишировать. В Политехническом тогда были замечательные лекции Энтелиса, мы с ним ходили на все эти лекции. Потом стала ходить на лекции в Эрмитаж, была у нас такая программа. Он ходил со мной. То есть уже многие интересы у нас совпадали. Мы как-то уже больше встречались. И уже потом, будучи студентом, он меня приглашал на всякие свои вечеринки и прочее. Я с ним ходила как девушка. Но в университете у меня тоже было двое ухажеров, и я могла иногда свалить дурака. Потом я уехала, я говорю, что даже написала, его мама отправила. Потом я вернулась сюда, он сказал: «Хватит, сколько можно, я кончаю, и мы поженимся». Я говорю: «А что скажут твои родители? На что мы будем жить?». - «А я пойду работать к этому времени. Когда я буду защищать диплом, я за тобой приеду». Что он и сделал. И так мы в этом году справили золотую свадьбу. Но на самом деле до свадьбы мы были знакомы 7 лет, и 7 лет у него не было других девушек, чего нельзя сказать про меня. У меня была моя первая любовь в школе в Алалцихе, и он за мной приезжал в Ленинград, но я ему отказала, потому что он не хотел, чтобы я училась.

А почему он не хотел, чтобы вы учились?

- Вот такой южный человек /Показывает фотографии/... черт его знает, почему. Я сейчас карточку найду, покажу. Вот мы поженились. А это моя школа, где я преподаватель. Прозвище у меня было «маленькая».

Почему?

- А все ученики были такие громилы, а я невысокого роста. То я с группой учителей, это тоже с учителями. А это мы три сестры перед моим отъездом сфотографировались. А это моя подруга, там я жила даже с ней вместе, в комнате, где снимала, и она очень скоро умерла. Это наша университетская группа, я дружу до сих пор. Гуренков - был такой редактор «Вечёрки» очень долго. Это его жена, и мы очень близко дружили, это мои близкие друзья. Это мой последний 10 класс, который я не любила. И сейчас покажу, это он за мной приезжал в Ленинград, вот он, его звали Вилик (Владимир Ильич Ленин), Вилик Муратов. Самое интересное, что его дядя, Вилика Муратова,

ухаживал и почти женился на моей маме. А это моя ахалцихская подружка Эмма, вот у нее муж потом стал министром. Это мой ахалцихский класс.

Знаете, я хотела бы потом альбом очень подробно от начала и до конца посмотреть.

Я хочу дедушку показать.

- Кстати, вы спрашиваете, помешали ли мне родители? Я приехала в Ленинград, я не могла устроиться на работу. Я приходила в школу, мне говорили: места нет. Я приходила в роно, мне говорили, филологов не берем. В результате я попала работать в библиотеку. В библиотеке я работала довольно долго.

Но когда я вышла замуж, родился ребенок, тут я уже стала очень многое понимать в жизни, разбираться.

А что понимать?

- Во-первых, случился съезд, то есть развенчание Сталина. Стало многое становиться на свои места. Если раньше были какие-то вопросы, постепенно... /Показ фотографий/ А вот это я, работала на «Металлическом...» это была на Доске почета, оттуда утащила фотографию.

И как вы восприняли XX съезд? Он был для вас неожиданным?

- Восприняли мы так. Когда случился съезд, и тетя была жива, я сразу пришла к ней и говорю: мы считали, что не виноваты, надо сразу узнавать. Она говорит: «Да, сразу пиши». И в 1956 году я написала свои первые заявления в прокуратуру с тем, Что я ищу своих родителей, особенно мать. Где? Что? Как? Нормально написала письмо. Мне ответа не прислали, меня вызвали в Большой дом и дали мне бумажку, написанную карандашом, что дела не пересматриваются. Я, по-моему, показывала, есть у меня все это. Такая небрежная бумажка, написанная карандашом. После этого я снова писала, и очень скоро в 1958 году, причем, это очень хотела моя тетя: «Лиза, пиши», И она мне помогала, диктовала. Я очень многого не знала. То по всяким рассказам, отдельным сведениям. И оно не соответствует тому, что действительно происходило.

Когда вы в 1958 году начали искать родителей, вы знали, что их уже нет в живых? Как вы для себя это понимали? Или вы думали, что они в лагерях?

- Нет. Тетя мне сказал: «Лиза, совершенно наверняка нет в живых твоего отца. А мама, я не понимаю, почему она не отвечает. Все-таки жены возвращаются». Потому что тогда довольно много жен вернулись. Но нам ответили один раз... и без права переписки. Тут у нас возникло...

Это вам ответили еще раньше? До войны, да?

- Нет, тогда, 10 лет без права переписки. Тогда тетя сказала: «Мама, значит, не жива». Я еще не верила и в 1958 году снова написала. И вот тогда меня вызвали в Большой дом и сказали: в 1956 году мне на бумажке ответили карандашом, а в 1958 в году мне сказали: зайдите в выборгский ЗАГС, и вам дадут свидетельство о смерти отца и матери. Я в таком состоянии вышла оттуда, что я даже не знала, куда идти. Я никак не могла поверить, я считала, что мама вернется. Что отец что-то там было, и он не жив, слишком никаких известий. А мама... Все-таки она письма писала. И я была совершенно разбита. Я, действительно, пришла в ЗАГС, мне дали эти дурацкие бумажки. Мама - написано вообще 1941 год [год смерти]. Соловки они растягивали по годам. Дали мне эти бумажки, что они умерли. Z - прочерк.

Но вы в них поверили?

- Отец правильно написано, кстати, и год и месяц, все правильно. 19 число и 1937 год, 19 мая, в апреле его забрали, в апреле же обыск был. Единственное, что я смогла скопировать, ничего не разрешили, но только письмо Сталину разрешили, не портрет папин. Мне же дело отца так и не дали до конца. Мне дали дело отца до 1937 года.

Сторона В/

- Раскноплено там, что было закноплено. Но это то, что было закноплено, в основном, это повторы. Чтобы было пухлое дело, там четыре раза одно и то же показание или даже пять раз. Одно и то же, одно и то же. Повторяются копии, лежат копии. Зачем? Не понятно. А когда я обратилась, мне сказали из Москвы, что все передано в архив Нижнего Новгорода, в ФСБ Нижнего Новгорода. Я туда написала, ФСБ мне ответило, что все дело передано в архив. Но каким-то образом, я не знаю, дело в архиве, они мне его не захотели прислать. Но они мне прислали три страницы оттуда сфотографированные, в которых сказано, что у отца забран ремень и три книжки, это потому что я обращалась и дополнительно писала: прошу выяснить, что конфисковано, и что мне полагается. Мне показать, что ничего у него не было и вообще, что он гол как сокол. Из лагеря я понимаю, что он гол как сокол. А арестован он был уже там, в лагере, второй раз осужден за одно и то же. Но что там было и какой там допрос и что, так мне и не дали. Сказали, приезжайте, посмотрите сами в архиве. Но к этому времени стало так дорого и так трудно, что я уже в архив не поехала. Но я не верю, что сдано в архив. То есть тогда у меня сразу закрались сомнения: как же они тогда сделали ксерокс этих страниц? Что же они пошли в архив, сделали ксерокс этих страниц, и у них время было? Не показывают, и всё.
- До перестройки в 1989 году я начала окончательно писать, и тогда мне показали дело, до этого не показывали. После этого я еще раз писала, по-моему, в 1960 каком-то году. Но мне каждый раз отвечали, что дела не пересматривают... Да, когда шла реабилитация Бухарина или еще кого-то я снова написала, и мне ответили, что эти дела не пересматриваются.

То есть родители не реабилитированы?

- Нет.

Только в 1989 году?

- В 1988 году, и только тогда мне, наконец, ответили и стали приходить справки о реабилитации.

Вот вы расскажите, XX съезд, он взорвал представление? Или нет?

- Не только взорвал, и я, и вокруг меня, и вспомнили все разговоры, которые говорили вернувшиеся из ссылки, что эти застенки, все это снова возникло в моем сознании, и я стала по-другому вообще на все смотреть. И не только я, и в семье тоже. Хотя тетя Соня, с одной стороны, меня выручала и понимала, что происходит... Она же ходила не только за своих родственников, но и за друзей, ходила в Верховный суд, и вообще не верили во все эти рассказы. И вместе с тем, она верила в систему.

В Ленина, в Сталина?

- Вот.

А вы?

- Я не знаю, у меня какое-то другое сознание было. Пожалуй, я раньше всех сестер осознала несправедливость того, что происходит. Раньше. Я раньше других стала понимать вообще, что происходит в стране и осуждать то, что происходит. Я раньше других попала в среду людей, которые читают «Архипелаг...» и вообще самиздат я уже читала.

Когда вам попался самиздат в руки?

- Я уже не помню точно, но рано. По крайней мере, я уже читала не «Архипелаг...», а другие вещи, песни Галича, не важно, но на фотоснимках, тогда еще не было никаких копий, даже машинописных.

А когда вы читали самиздат?

- По крайней мере, я ходила к друзьям специально слушать песни Галича, мы специально слушали, но Высоцкого это уже не такое. А кого мы еще слушали? То есть я уже не только была настроена, а если бы мне сказали, что надо спрятать, я бы уже спрятала. То есть я была уже совершенно готова, тем более, что мои друзья, с которыми я работала на «Металлическом...», которые сейчас уехали за границу, мы мыслили очень адекватно. И они были жутко настроены против всего строя, потому что они перетерпели как евреи, им в семье досталось. И вся эта антисемитская политика... Среди них были и отказники, они были в отказниках. Так что я была уже совсем другим человеком. И не только я, но и муж, и в семье, и мой старший сын. А дочка тем более, она просто в другую эпоху росла.

А дочка какого года?

- 1960.

А скажите, в 60-е - 70-е годы кого-нибудь из ваших знакомых арестовывали, кто пострадал?

- Да. Пострадал мой муж. То есть он у меня не был арестован. Но когда случилась эта история с самолетом Кузнецова [попытка угона самолета еврейскими отказниками], среди них был Крамблит, это сотрудник Иосифа. И был еще Миша Кугерман. Он не был арестован. Он был не просто в отказниках, он был человек, за которым следили. Я не говорю о том, что близкие друзья Бродского, за которыми следили, это... Что я сегодня, у меня голова сегодня болит, вчера был жуткий гипертонический криз. Потом скажу. Литовцы, его друзья, у которых, кстати, он часто бывал и к нам заходил, потому что, интересно был, что в нашей квартире мать Иосифа сидит дома и никогда не выходит. И он как-то, Бродский, позвонил, я, правда, была дома, открыла. Он говорит, может ли он выяснить, где Элла и... Надо же, чтобы своих близких друзей забыть. Ну, ладно, потом скажу. И короче говоря...

Это еще до ссылки?

- ...когда арестовали Крамблита, а его арестовали по поводу угона самолета, то повалились всякие напасти на лабораторию. Мало того, что там один отказник, плюс еще один угонщик. Но Крамблита посадили и даже сослали. И через некоторое время, когда стали выпускать Кузнецова, его тоже выпустили. Он выехал, а потом выехали его жена и дочь. Мы с ними со всеми общались в это время, не то, что мы отстранились и испугались. Но муж мой пострадал в каком смысле? Мой муж написал докторскую диссертацию. И ему не дали защититься. То есть он приехал в Москву к Капице, чтобы прочитать ему доклад, был у него на чаепитии, и вообще он из молодых был очень ранний доктор. И вдруг оказалось, что его материал выставил другой, тот, кто в Москве с ним параллельно делал. Специально это было подставлено. И ему пришлось писать вторую, правда, он вскоре снова защитил докторскую. Но 7 лет он не получал надбавки как доктор. Их так и называли - «двухсотрублевые доктора». Он был доктором наук и не получал свои 400 рублей в институте. И это все тянулось из-за Крамблита, из-за того, что вроде как его поддерживали, потому что лаборатория отказалась написать письмо [с осуждением]. Во главе лаборатории стоял Шалыт, это довольно известный человек, который работал в Харькове и с Кикольным, и с Ландау. За его характер все его отстранили, и [академик] Иоффе подбирал всех, кого выгнали в свой институт полупроводников. Всего был 54 человека, когда впервые институт организовался, в том числе Иосиф, его никуда не брали. Он с Иоффе лично беседовал, тот его взял к себе. А Шалыт тоже был изгнанником, он у него в лаборатории. И Шалыт отказался... Он сам брал Крамблита, знал его и не было никакой реакции в лаборатории по поводу. Все же хотели, чтобы осуждали, а этого не было. И им всё это аукнулось всем. Кому

задержали диссертации, кому задержали деньги, Шалыта вообще довели до того, что он умер.

А как вы это чувствовали?

- Мы чувствовали это как произвол власти.

Было ли это катастрофой или спокойно к этому относились?

- Нет, это была катастрофа, особенно когда ко мне приехали друзья из Москвы, еще муж не вернулся, они пришли ко мне домой с такими лицами, его сотрудники, что первое, что я сказала: «Что с ним случилось?» - Они говорят: «Диссертацию не разрешили защищать». - «Ох, - я говорю - слава Богу». Они говорят: «Ты, что с ума сошла?». - Я говорю: «Вы с такими лицами, что я решила, что его нет уже, а тут - диссертация. Ну, напишет он вторую». Они засмеялись: «Ничего себе жена, - напишет вторую». Но он, действительно, написал, защитился очень быстро.

А вы помните суд над Бродским?

- Помню.

Вы ходили?

- Нет, что я не ходила это точно.

А что вы вокруг суда помните?

- Это какой был год? 1962?

1963 год.

- Я тогда сидела с маленькой Анькой, с ребенком, муж работал. Мы не ходили. Но мы осуждали. Катилусы, друзья Бродского. Это его близкие друзья, они, конечно, там были. И, по-моему, Катилус сейчас ездил к нему в Америку. Они жили в нашем доме, потому что наш дом весь был институтским. И мы с Катилусами этот вопрос обсуждали. Суд над Бродским мы осуждали и **Бидеру** мы читали. Это тоже к нам в руки сразу же попало. Кроме этих друзей у нас еще был такой очень известный физик, который недавно умер, правда, за границей, были большие некрологи, сюда прислали - Аронов Аркадий. После Ландау был Владимир Грибов, тоже наш близкий друг, очень близкий друг. Его жена все время работала с Иосифом. У них так же, как у нас, погиб сын в горах. Мы были как-то очень сближены. Грибов потом все время работал за границей, и он умер. А следующий физик, если говорить по величине, был Аркадий.

Скажите, было у вас в 60-70 годы чувство страха за себя, что...

- Было.

А в чем оно было?

- Вот когда начались эти истории с институтом и со всем, никто не было уверен за свою безопасность.

В смысле безопасность как арест или безопасность в смысле благополучия?

- Безопасность именно в смысле политическом, потому что мы были с людьми, мы разговаривали, мы общались. Если взяли Бродского, почему не взять Катилуса? А почему не докопаться дальше? Почему не устроить те же дела, какие мы знаем, что были построены до того?

Вы это обсуждали в своем кругу?

- Кухонно только, конечно. Может быть, я обсуждала с мужем, с какими-то друзьями, но не со всеми. Тогда мы очень сблизились с Муждабами, с Молоствовым (политзаключенный 50-60-х). Мы ездили к ним туда, еще они жили, не в Еремково, а жили под Удомлей.. И даже Молостлов читал стихи. Конечно, мы были уже по-другому настроены.

А как вы относились к такому активному сопротивлению, как у Малоствова было?

- Нам хотелось поддержать. Но нужно отдать должное, мой муж очень всегда был занят наукой, если можно так сказать, он весь отдавался. Поэтому он никогда не был

общественным человеком, никогда не был человеком борцом. Один человек может, а другой человек - не может. Он не то, что боялся, но это просто не в его характере. Если обижали его сотрудника, он мог пойти и добиться. А если его самого обижали, а обижали очень часто, тем более, что еврей. Он должен был стать завлабом, а за него стал завлабом его бывший студент, потому что он был русским и так далее. Но Иосиф сумел как-то сохранить хорошие отношения с этим теперешним. Мы даже, можно сказать, в приятельских отношениях, нельзя сказать, что дружим, но на свои дни рождения он нас приглашает. И директор отделения, слава Богу, он, поэтому пока Иосифа не гонят с работы, потому что нам жить будет очень туго.

А не было такого, чтобы лбом стенку прошибить, что это глупое поведение?

- Нет, мы их не критиковали, мы считаем, что люди делают правильно. И наоборот поддерживали тех, кто вышел. Конечно, мы осуждали Чехословакию, Венгрию. То же 1956 год. Но мы были совершенно подкованы в этом смысле в нашей семье с Иосифом. Нужно сказать, что его мать была, с одной стороны, энергичным, с другой стороны, культурный и много знающий. И она как раз очень аналитически относилась ко всему, гораздо больше, чем моя тетя. Но надо сказать, что я от тети отошла очень рано, а мать Иосифа на меня оказала очень большое влияние, потому что я жила со свекровью 22 года. Она понимала многое гораздо больше, чем даже понимал его отец, чем понимала моя тетя и вообще она была настроена против коммунистического строя. И это как-то... То есть она понимала, что к чему. Правда, она кончала в 1929 году экономический факультет, слушала Кони, она по-другому относилась в революции. И ее воспоминания и то, что она нам рассказывала. Например, она кончила гимназию. И больше она французский не учила, когда де Голль приехал, она нам переводила и говорила, что же переводчик говорит? Смотрела телевизор и говорила: «это же не то он говорит». Нам переводила. Конечно, она на меня оказала большое влияние. То есть не она, а вся жизнь. Я сама под это шла. Человек может задубеть, и ты ему кол на голове... Вот, например, моя сестра, ну, что я могу с ней сделать. Я ей говорю что-нибудь вот сейчас, нет, ну и подумаешь, так и будет. То есть она соглашается, до сих пор соглашательская политика. Это младшая сестра, она больше тети Сонины.

Скажите, а когда стали дети подрастать, вы не боялись, что они займутся какой-то общественной деятельностью, в политику полезут?

- Нет, я не то, что боялась, я видела увлечение сына, он очень увлекался своей специальностью, он был врачом от Бога. Он не просто был врач, а исследователь, он занимался научной работой. И кроме этого, второе его увлечение - это туризм. А туристы, да еще и такие серьезные, они левых, теперь уже я не знаю, левых, правых, но, в общем, тех взглядов. Это, во-первых.

Вы не боялись за детей?

- Нет, сын был увлечен. Кроме того, он был туристом, мастер спорта. Не просто турист. И это было большое увлечение, собственно, он был в спасательном отряде, когда погиб. Уже был в команде, которая спасла наоборот...

А это где было?

- На Эльбрусе. Там 5 человек погибло. Японцы ушли, не выслушав метеосводку, попали в пургу. Они полезли спасать и сами погибли. Одного японца спасли только. А дочка уже, собственно, ей бояться нечего. Она вообще новых взглядов и совершенно другое поколение.

Но, тем не менее, они в пионеры вступали, в комсомоле были?

- А дочка, по-моему, не была. я не помню. Знаю, что сын был в комсомоле. Но, например, сын, когда получал паспорт, я ему сказала: «Хочешь, возьми мою фамилию, мою национальность». Он мне сказал: «Достаточно...отца, чтобы такого не делать». Так

что у него уже сознание было вполне гражданское, вполне нормальное. И в 16 лет он пошел и сказал, а что вы мне пишете, потому что там хотели написать Фарбштейн - грузин. Он сказал: «Будет очень смешно. С такой фамилией грузина вы где-то встречали?». И сказал, что от своего отца я не собираюсь отказываться. А дочка, по моему, написала грузинка, не написала, а ей написали. Она не сумела поспорить, но она все равно была Фарбштейн, но это ей очень помогло. В каком смысле? Она поступала в университет. Она поступала, и поступал один из наших родственников Либерман. Но он, конечно, не прошел, а Аня прошла. Мы не могли понять, в чем дело, и нам разъяснили. Она Фарбштейн, но она грузинка, она не портила общую картину. Но, с другой стороны, если кто-то спрашивал, почему вы не берете евреев, говорили, что вот же... по факту... /Смеется/. Они не будут же разбираться, какая у нее национальность, а по фамилии. Вот, мы же берем.

А паспортном столе уговаривали написать «грузинка»?

- Да, мою национальность. В метрике же там две национальности: отец и мать. В моей метрике это было, потому что мама так хотела, потому что мама уже боялась и знала положение отца.

Но не из-за национальности, а только из-за...

- Нет, только из-за того, что это отец. А потом Аня стала Симоновой, так что теперь уже все равно. Но все равно грузинка.

Кассета № 4

- Я еще хочу добавить. После прошлого разговора Это ощущение моего сиротства было. И было очень серьезное. В каком смысле? Я все время хотела мать. Даже когда я стала взрослой, сама стала матерью, я вот смотрела на эту медведицу, и у меня слезы всегда были на глазах, мне хотелось маму, чтобы ей как-то высказать. Это чувство даже сейчас у меня не прошло. Я боюсь за детей. То есть стремление иметь мать. И вроде, как я рассказывала, все ко мне относились хорошо, но суровая тетя... она, правда, младшую дочку там ласкала, я была... меня не били, не ругали, по я, понимаете...
- Я хочу сказать, я жила, конечно, в лучших условиях (я попала), чем другие дети, которых отправляли из лагерей в детдома. И участь меня ждала только детдома, если бы меня не спасли заключенные. Но всё равно я ощущала, что у меня нет родителей. Вот это чувство... я как-то не сказала... Хотя я могу сказать, что я очень благодарна своей тете, которая меня уже потом мало того что взяла в дом после кавказского моего сидения... и в эвакуации я была с ней, и после Кавказа я приехала, она мне дала возможность поступить в университет. Все-таки я жила в доме и кормилась, питалась. Правда, было очень трудно, одета я была очень плохо, но это потому что вся семья нуждалась. Я жила... и бабушка с бабушкой (тоже я это не сказала), и особенно тетя, у которой я жила, это, во-первых... я говорила, что она была член ЦК Азербайджана, потом здесь – на партийной и профсоюзной работе, кончила Комвуз имени Свердлова в Москве. Конечно, я была воспитана в духе морали коммунизма, светлого будущего. И других разговоров, собственно, в этой среде, в доме, в общем-то, не было. То есть я верила. Галстук свой я аккуратно гладила. В пионерах я не помню, чтобы я проявляла активность, но в комсомоле я, пожалуй, была довольно активна. Просто я была человек очень жизнерадостный. И сейчас у меня не угнетенное настроение. Поэтому как-то выделялась, видимо, и всегда была среди первых. Хотя нюансы... но это я потом скажу.

И при мне уже только после 56-го года стали разговоры... Во-первых, в 38-ом, когда тетя вернулась, когда дядя из тюрьмы вышел (это муж тети Сони, которая меня опекала) – Василий Дмитриевич Залого... До меня вот это все доходило. О том, что, например, арестованы братья отца, мне не говорили очень долго. То есть, конечно, от детей правда в какой-то степени скрывалась. Наверное, старшие ее знали лучше.

Это вот этот нюанс, что, конечно, я была [с клеймом]... И в комсомол, когда меня сначала не принимали, а потом беседовали, и когда приняли, я, конечно, была довольна. И я не могу сказать, что меня воспитывали как-то иначе, и в семье было сопротивление. Вот этого не было. Вот это я не сказала.

И еще одна вещь. Все-таки, несмотря на всё это, несмотря на то, что и в комсомоле я была, и в институт я все-таки попала, я все время чувствовала за собой... ну, это не вина. Я не знаю, как это чувство назвать. Но о том, что мои родители арестованы, что это плохо, и в жизни мне всё время отражалось, - это я всё время чувствовала. И вот, наверное, моя неуверенность, мой страх и даже какое-то нежелание другой раз вот писать в прокуратуру (я себя заставляю), у меня вот этот страх такой какой-то внутренний – он всю жизнь проходил. Вот это я не сказала. То есть какая-то ущербность... не какая-то, а просто ущербность мне была нанесена. Почему? Поступая в комсомол... меня вызывают отдельно от всех, со мной беседуют, после чего меня берут, потому что дедушка хороший. В институт я поступаю, у меня все оценки прекрасные, я не попадаю в ту группу, не куда хочу, а туда, куда меня сунули. На работе. На работе очень часто я сталкивалась. Вот я прихожу... Дом такой был – детской книги – на Кутузовской набережной. Туда меня прислали, что можно там работать. Я из библиотеки хотела туда перейти. Причем сама заведующая меня к себе позвала. Я к ней прихожу, беседуем – всё прекрасно. Я оставляю анкету и на другой день должна прийти. Я прихожу – мне говорят: место занято. И это случалось не один раз, а много раз. Я не могла перейти из библиотеки в библиотеку.

Это вот неприем на работу. Каждый раз мне это просто мешало. Я не говорю о том, что потом еще примешалось и мужа вот это – «кузнецовское дело». Но это уже следующее, уже мы тогда были вполне сознательные. Мы понимали, что и как. А тогда я даже иногда... я знала, что это из-за того, что там есть строка. И то, что меня выручил и спас редактор «Вечёрки» Гуренков, это только доказывает, что в то время (он – фронтовик, это тоже очень много значит) были какие-то люди, которые были честными или понимали ситуацию. Он меня вдруг в коридоре остановил и сказал: «Лиза, уезжай немедленно из Ленинграда. Возьми направление. Никакой аспирантуры. Я тоже уезжаю». А потом он мне признался, что в моем деле красным было подчеркнуто (родители). То есть я бы по ленинградскому делу загремела совершенно железно, если бы не уехала. Но это меня вот случай... Меня все время какие-то случаи выручали. А на самом деле я это за своей спиной всё время чувствовала.

Вы говорите «страх». Страх чего-то конкретного или как ощущение?

- Страх – неуверенность в жизненных ситуациях. Такая неуверенность во мне жила и родилась именно от того, что я не чувствовала себя окончательно полноценным человеком, как все. Я могла в любой момент получить щелчок по носу – именно из-за того, что были арестованы мои родители. Еще такой вот пример, я тоже о нем не рассказала. Все в университете едут в колхоз. Я вроде как даже была то ли старостой, то ли секретарем группы были. Казалось бы, мне прямая дорога ехать в колхоз. Вдруг приходят и мне говорят: «Ты знаешь, у нас тут по спискам... всё, ты не попадешь, ты не поедешь». И меня не взяли.

В колхоз?

- Да, на стройку. Ну, это студенческие отряды, строительные отряды. Мы в колхозе строили свинарник, курятник, я не знаю...

Ну а это-то что за привилегии – ехать строить свинарник?

- Это была привилегия – лучшим активистам и прочее. Раз – меня застолбили. Тогда я не понимала, почему.

Это какой год был?

- Это 50-й. Меня застолбили. Почему, я не понимала. Потом очень быстро поняла, почему. Уже в 70-е годы я соображала, что к чему, а до этого...

Ну, и это, наверное, привело к тому, что я очень живо откликнулась на все демократические веяния, которые были, и гораздо быстрее мы с мужем вошли вот в эту среду людей, понимая, что надо... что ситуация в стране ужасная. Может быть, это повлияло.

В общем, эти три фактора я как-то не раскрыла. Одно – что все-таки сиротство – это есть сиротство, я все-таки была не... И даже сейчас. Вот две сестры, с которыми я жила. Они меня называют сестрой при всех, мы все – сестры. Но иногда бывает так, что они между собой больше имеют... я как-то высказываю из этого. Но я еще, может быть, высказываю потому, что я... немножко других взглядов. Это может быть.

Скажите, а кто у вас был самым душевным?

- Когда я жила с семьей... Вот бабушка, да. Она была... хоть я была очень маленькая, до 11 лет... Нет, ну потом я в школе училась в 9 и 10 классе в Ахалцихи. И я опять-таки могла делиться с бабушкой. Бабушка для меня была таким эталоном жизненным что ли, если можно так выразиться. А в семье у тети у меня не было такого, чтобы я могла... Может быть, в последние годы ее жизни, когда она больше стала прозревать, что происходит в стране, она стала со мной как-то ближе. А так я не могла... Может быть, с матерью я бы делилась. Ну, жила я, хорошие отношения, но чтобы свои какие-то поверять тайны, у меня такого человека не было.

Кроме бабушки?

- Вот кроме этой бабушки. Но она умерла потом, у нее вообще паралич был очень быстро. И я лишилась ее. Она была немолодая женщина.

Я скажу так, что, наверное, потом, когда я вышла замуж, свекровь мне была, я бы сказала, матерью. Как ни странно. Вот с ней мы дружили. Близкий человек. И конечно, у нас были очень теплые отношения до конца, до последних ее дней. 22 года я жила. Вот я считала, что это так.

А вы вместе, одной семьей жили?

- Одной семьей жили. Сначала с его отцом, то есть моим вот тем дедом и с ней тоже, а потом он довольно быстро умер (ну, как быстро? – через пять лет он умер), и мы с ней жили все вместе. И вот я бы сказала, что даже она была мне ближе. И она понимала ситуацию, понимала, что мне нужен близкий человек. А тетя... только в последние годы жизни. А до этого я жила, жила... Ну, я жила, еще жила одна Лапина такая, тоже дочка... оба арестованы родители... какое-то время эта Искра у нас жила. То есть она помогала другим. Нужно отдать должное.